

exLegis

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
электронный научный журнал

2026 №3

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель
Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор
Т. Л. Курас, канд. ист. наук, доц. (г. Иркутск)

Заместитель главного редактора
В. Н. Шиханов, канд. юрид. наук (г. Иркутск)

Редакционный совет:
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
(председатель)
Т. Л. Курас, канд. ист. наук, доц. (г. Иркутск)
Н. В. Безик, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. Н. Шиханов, канд. юрид. наук (г. Иркутск)
И. Б. Чагин, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
М. И. Орешкин, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: +7(3952) 52-19-00; факс: +7(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:
664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: +7(3952) 52-11-90; факс: +7(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis@law.isu.ru
website: exlegis.ru

*Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону.
Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.
Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются*

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.
Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год
Издается с 2016 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2026

Содержание

Гринько К. О. Муниципальная собственность в России и зарубежных странах	2
Марчук А. А. Криминалистический аспект раскрытия и расследования ятрогенных преступлений	5
Михайлов А. Ю. Эффективность государственного регулирования охраны окружающей среды в сфере лесного хозяйства: проблемы и пути решения	9
Наделяева Д. С. Заключение контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации как одно из оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания	14
Павлов М. М. История государственной измены в уголовном праве России	19
Полонина А. А. Криминалистическое значение запаховых следов человека и проблемы использования ольфакторных выборок в доказывании	23
Таран М. С. Возмещение убытков третьим лицам при обеспечении иска: проблемы теории и правоприменения	29
Худяева Ю. С. Субъекты малого и среднего предпринимательства как субъекты налоговых отношений	33
Чернова М. А. Проблемы определения объективной стороны диверсии	36
Чмелев Д. С. Осуществление прокурорского надзора за деятельностью органов исполнительной власти субъекта РФ	39

Муниципальная собственность в России и зарубежных странах

© Гринько К. О., 2026

К. О. Гринько

Магистрант 3-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kirya.grinko.98@mail.ru

Научный руководитель:

С. И. Шишкин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: shishkin1957@rambler.ru

Аннотация. Исследуется муниципальная собственность как один из главных элементов, на котором держится экономическая база местного самоуправления. Анализ проводится на примере России и ряда зарубежных стран – США, Германии, Франции, Китая и Японии. Рассматривается, что вообще понимается под муниципальной собственностью, в чем ее суть, как она регулируется законодательно и какие механизмы используются для управления ею. Основной акцент сделан на сравнении моделей управления муниципальным имуществом. Разбираются такие инструменты, как общественно-частное партнерство, концессионные соглашения, а также подходы к управлению земельными участками. Показано, что в России муниципалитеты сталкиваются с рядом серьезных проблем: слабой финансовой самостоятельностью, высокими расходами на содержание имущества и нехваткой цифровых решений в управленческих процессах. На основе зарубежного опыта предлагаются конкретные шаги по улучшению ситуации в России. Среди них – внедрение более прозрачных процедур, активное развитие механизмов общественно-частного партнерства и усиление контроля за использованием земель.

Ключевые слова: муниципальная собственность, местное самоуправление, правовое регулирование, имущество, общественно-частное партнерство, земельные ресурсы, налогообложение, цифровизация.

В основе местного самоуправления лежит муниципальная собственность. Именно она дает материальную базу, позволяющую органам власти на местах выполнять свои задачи. Речь идет о совокупности объектов и имущественных прав, которые принадлежат муниципальным образованиям. Правовое регулирование здесь строится как на национальных законах, так и, в зависимости от страны, на международных нормах.

Муниципальная собственность включает в себя самые разные объекты: деньги, муниципальные предприятия, здания жилого и нежилого фонда, производственные помещения, движимое и недвижимое имущество. Главное назначение этой собственности – служить инструментом для проведения социально-экономической политики на местах, т. е. работать на нужды населения. В России муниципальная собственность признана самостоятельной формой собственности наравне с государственной и частной – это закреплено в ч. 2 ст. 8 Конституции РФ. Гражданский кодекс РФ в ст. 215 уточняет, что такая собственность принадлежит городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям [1].

В других странах понятие муниципальной собственности тоже различается. Например, в Германии и Франции она тесно связана с коммунальной системой: коммуны (общины) выступают как основные территориальные единицы, которые владеют имуществом, необходимым для их работы. Англосаксонская модель, принятая в США и Великобритании, строится иначе: там

муниципальная собственность регулируется законами штатов или местных властей, что дает больше свободы в управлении [2].

Основная цель муниципальной собственности – обеспечивать жизнь населения, решать местные вопросы и повышать качество жизни. От того, насколько эффективно ею управляют, напрямую зависит удовлетворенность людей и развитие территории. В России, однако, доходы от муниципальной собственности в местных бюджетах составляют всего около 10 %. Для сравнения: во Франции этот показатель достигает 41,7 %, в Германии – 41,6 %, а в США – 65 %. Такая разница говорит о том, что механизмы управления за рубежом работают эффективнее [2].

В России правовую базу составляют несколько ключевых документов: Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» и отраслевые законы. Муниципальная собственность может появляться разными путями: через договоры купли-продажи, дарение, регистрацию прав на недвижимость, судебные решения о передаче бесхозяйного имущества или находок [3]. Однако на практике возникают сложности, особенно когда речь идет о разграничении муниципальной и государственной собственности или о статусе имущества на федеральных территориях вроде «Сириуса» [1].

За рубежом правовое регулирование тоже имеет свои особенности. В США каждый штат устанавливает собственные правила, что дает

гибкость, но порождает неоднородность подходов. В Германии вопросы решаются на уровне федерации и земель, причем общины получают право самостоятельно управлять имуществом и устанавливать местные налоги. Во Франции муниципальная собственность регулируется Гражданским кодексом и специальными законами о коммунах – они наделяют местные власти полномочиями в сфере управления рынками, музеями, библиотеками и водоснабжением [2].

В Китае действует жесткая централизованная система: местные органы подчиняются государственным директивам, но при этом могут проводить конкурсный отбор управляющих и заключать контракты. В Японии главный акцент сделан на прозрачности – там регулярно оценивают имущество и публикуют бюджеты с детальным раскрытием доходов и расходов [4]. Все эти подходы показывают, насколько разнообразными могут быть правовые рамки, адаптированные под национальные и экономические условия.

В России управление муниципальной собственностью строится на аренде, продаже, мене, дарении и доверительном управлении (трасте). Самый распространенный способ – аренда: арендная плата пополняет местный бюджет. Например, плата за аренду нежилых помещений включает стоимость использования земли под ними и рассчитывается на основе базовой ставки, которую утверждают местные власти [3]. Траст и концессии тоже используются, особенно в сфере коммунальных услуг, таких как вывоз мусора или ремонт дорог. Однако значительная часть муниципального имущества в России остается пассивной и требует больших затрат на обслуживание – до 60–70 % местных бюджетов уходит именно на это, что снижает экономическую отдачу.

В зарубежных странах механизмы управления гораздо разнообразнее. В США и Великобритании широко применяют модели общественно-частного партнерства, включая концессии, которые позволяют привлекать частные деньги для управления муниципальным имуществом, особенно в инфраструктурных проектах [5]. Во Франции коммуны активно используют налоги на предпринимательскую деятельность, например, налог на добычу полезных ископаемых или на застроенные земли, чтобы стимулировать развитие территорий [2]. В Германии обязательным требованием стали безналичные расчеты и открытые конкурсные торги при материально-техническом снабжении, что повышает прозрачность [4].

Китай делает ставку на конкурсный отбор управляющих и регулярные профессиональные экзамены для муниципальных служащих – это повышает их квалификацию и ответственность [4]. Япония, в свою очередь, вовлекает в оборот

неиспользуемые земельные участки, сдавая их в аренду, что приносит стабильный доход местным бюджетам [6]. Все эти механизмы показывают, что зарубежные страны гораздо активнее используют рыночные принципы в управлении муниципальной собственностью, чем Россия.

Экономическую базу муниципальной собственности в России составляют имущество, средства местных бюджетов и имущественные права муниципалитетов. Но доля местных налогов в этих бюджетах крайне мала – около 10 %, что сильно ограничивает финансовую самостоятельность и заставляет муниципалитеты зависеть от межбюджетных трансфертов [2]. В результате у местных властей часто не хватает ресурсов, чтобы самостоятельно решать вопросы развития инфраструктуры, благоустройства или предоставления социальных услуг [3]. Большая часть бюджетов уходит на текущие нужды, в частности на содержание имущества, а не на инвестиции, что снижает эффективность [2].

Для сравнения: во Франции, Германии и США местные бюджеты формируются в основном за счет налогов на недвижимость, предпринимательскую деятельность и сборов за муниципальные услуги [6]. Во Франции около 90 % межбюджетных трансфертов не имеют целевого назначения, что дает коммунальщикам большую свободу в планировании развития [5].

В Китае и Японии ключевую роль в формировании доходов муниципалитетов играет управление земельными ресурсами. Регулярная оценка рыночной стоимости земли и недвижимости позволяет устанавливать справедливые налоги и арендную плату, что обеспечивает стабильность и устойчивое развитие [Там же]. Например, японские муниципалитеты активно вовлекают неиспользуемые земли в оборот, сдавая их в аренду или используя под инфраструктурные проекты. В России же управление землей страдает от недостаточной вовлеченности участков в оборот и неэффективного муниципального контроля, из-за чего теряются возможные доходы [4].

Одна из главных проблем – отсутствие работающих механизмов оценки и управления имуществом. Значительная часть земельных участков остается неучтенной или используется не по назначению, что мешает их монетизации [Там же]. В Германии, напротив, действует строгая система учета и оценки, которая позволяет оптимизировать налоги и арендные платежи, а также привлекать частные инвестиции через общественно-частное партнерство. Внедрение похожих подходов в России могло бы увеличить доходы от муниципальной собственности и снизить зависимость от государственных субсидий [1].

Отдельный фактор – уровень цифровизации. В США и Японии активно используют

цифровые платформы для учета и мониторинга муниципального имущества, что повышает прозрачность и эффективность. В России этот процесс только начинается и требует серьезных вложений в инфраструктуру и обучение сотрудников. Внедрение геоинформационных систем для учета земель или электронных платформ для торгов могло бы существенно повысить доходность и улучшить контроль.

Главная проблема в России – нехватка финансовой независимости муниципалитетов, что мешает эффективно управлять собственностью [5]. Высокие расходы на обслуживание пассивного имущества, низкая доля местных налогов и отсутствие единого подхода в правовом регулировании, особенно на федеральных территориях, создают дополнительные трудности. Механизмы общественно-частного партнерства пока только формируются, их развитие тормозят слабая законодательная база и бюрократия [1].

За рубежом тоже есть свои сложности. В США, например, разница в законодательстве между штатами затрудняет координацию на национальном уровне [2]. В Китае излишняя централизация иногда сковывает инициативу местных властей [4]. Но в целом эти страны показывают более успешные результаты благодаря прозрачности, рыночным механизмам и привлечению частного капитала.

Чтобы повысить эффективность управления муниципальной собственностью в России, стоит перенять зарубежный опыт. Например, внедрить открытые конкурсные торги и публикацию бюджетов, как в Германии, что повысит доверие населения и качество управления [4]. Развивать концессии и общественно-частное партнерство, как в США и Великобритании, чтобы привлечь частные инвестиции в инфраструктуру [5]. Усилить земельный контроль и вовлечь в оборот неиспользуемые земли, следуя примеру Японии [6].

Муниципальная собственность играет важную роль в работе местного самоуправления и в России, и за рубежом. В нашей стране она сталкивается с низкой финансовой автономией и высокими затратами на содержание, что ограничивает ее экономическую отдачу. Зарубежные страны – США, Германия, Франция, Китай и Япония – демонстрируют более эффективные подходы: они активнее используют рыночные инструменты, прозрачные процедуры и общественно-частное партнерство. Адаптация этих методов к российским условиям, включая доработку законодательства, развитие концессий и усиление земельного контроля, может заметно повысить эффективность управления муниципальной собственностью и укрепить экономическую базу местного самоуправления.

Список литературы

1. Лобанов А. Д. Особенности правового регулирования института муниципальной собственности // Вестник науки. 2022. № 2 (47). С. 105–111. URL: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/5258> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Аминев Р. Ф. Правовые особенности экономических основ местного самоуправления в зарубежных странах // Скиф. 2019. № 11 (39). С. 384–388. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-ekonomicheskikh-osnov-mestnogo-samoupravleniya-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 20.10.2025).
3. Асплунд Д. В. Понятие и сущность муниципальной собственности // Экономика и бизнес. 2023. № 3. С. 257–264. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-munitsipalnoy-sobstvennosti> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Зарубежный опыт эффективного управления государственной и муниципальной собственностью // Национальный агрегатор открытых репозиторий российских университетов. 2019. URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=609108> (дата обращения: 20.10.2025).
5. Дамдинсүрен Г., Ямщикова И. В., Боброва Е. Ю. Эффективные механизмы зарубежной и российской практики управления муниципальной собственностью // Экономика и бизнес. 2017. № 3. С. 11–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnye-mehanizmy-zarubezhnoy-i-rossiyskoy-praktiki-upravleniya-munitsipalnoy-sobstvennostyu> (дата обращения: 20.10.2025).
6. Арынбаев Ж. Т., Арзиева Ж. Ж. Зарубежный опыт управления государственной и муниципальной собственностью // Вестник науки. 2022. № 10. С. 52–59. URL: https://s-lib.com/issues/uik_2022_10_a9/ (дата обращения: 20.10.2025).

Криминалистический аспект раскрытия и расследования ятрогенных преступлений

© Марчук А. А., 2026

А. А. Марчук

Магистрант 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: maared20@yandex.ru

Научный руководитель:

Е. В. Шишмарева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: chalv@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются криминалистические особенности раскрытия и расследования ятрогенных преступлений. Под ними понимаются противоправные деяния медицинских сотрудников, которые повлекли причинение вреда здоровью или смерть пациентов. Изучаются актуальные проблемы, связанные с выявлением следовой картины, спецификой назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз, особенности доказывания причинно-следственной связи между действиями медицинского персонала и наступившими последствиями. Анализируются динамика совершения ятрогенной преступности в России, типичные следственные ситуации и тактические приемы расследования. Рассматривается необходимость формирования и введения специализированных методик расследования данной категории преступлений с учетом медицинской специфики и развития межведомственного взаимодействия. Даются рекомендации по совершенствованию криминалистического обеспечения расследования ятрогенных преступлений.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, криминалистическая методика, судебно-медицинская экспертиза, врачебная ошибка, медицинская деятельность, следственные действия, доказывание.

Ятрогенные преступления – это особая категория противоправных деяний, которая совершается медицинскими работниками в процессе осуществления медицинской деятельности и влекущая причинение вреда жизни и здоровью пациентов. Термин «ятрогения» происходит от двух греческих слов *iatros* (врач) и *genes* (порождаемый), что означает «порождаемый врачом». В рамках криминалистики речь идет не обо всех неблагоприятных последствиях медицинского вмешательства, а исключительно о действиях, содержащих в себе признаки преступного деяния.

Несмотря на ежегодные публикации о получивших огласку ятрогенных преступлениях, официальная статистика по ним отсутствует. Анализ имеющихся в официальных источниках абсолютных показателей рассматриваемых преступлений демонстрирует тенденцию их роста в 2022–2023 гг. с 1860 до 2332. При этом подавляющая часть уголовных дел была возбуждена по ст. 109 УК РФ – 1697 и ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности) – 463 (ст. 238 УК РФ с января 2025 г. не применяется в отношении медицинских работников). По ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности) возбуждено 24 дела, ст. 293 (халатность) – 124. В 2022 г. по факту совершения преступлений медработниками было возбуждено 1860 уголовных дел – почти по каждому третьему из 5747 обращений пациентов [1].

Среди ятрогенных преступлений наибольшую долю составляют противоправные действия

в сфере хирургии, акушерства и гинекологии, анестезиологии и реаниматологии [2, с. 102]. Между намеренно совершаемым преступлением и медицинской ошибкой, сопряженной с объективным риском, проходит тонкая грань. Не каждое неблагоприятное последствие медицинского вмешательства служит свидетельством совершенного преступления, что является одной из ключевых проблем при расследовании ятрогенных преступлений.

Основополагающими факторами роста числа уголовных дел по ятрогенным преступлениям являются:

- рост правовой грамотности населения и готовности отстаивать свои права в рамках судопроизводства;
- развитие обязательности медицинского страхования и усиление контроля за качеством предоставляемых медицинских услуг;
- введение норм документооборота в медицинских учреждениях, что впоследствии облегчает доказывание;
- активная деятельность правозащитных организаций в сфере здравоохранения;
- активное обращение граждан в правоохранительные органы вследствие совершения резонансных, медийных случаев врачебных ошибок и преступлений.

Расследование ятрогенных преступлений затруднено в связи с наличием объективных и субъективных факторов. Основная проблема – необходимость разбираться в тонкостях медицинской науки, обладать специальными меди-

цинскими познаниями, что, как правило, не свойственно следователям. Таким образом, следователь, который не является лицом, в достаточной мере осведомленным в медицинской области, вынужден полагаться на заключения представителей медицинского сообщества, членом которого и является потенциальный преступник.

Следственные ситуации, возникающие в рамках расследования ятрогенных преступлений, можно классифицировать следующим образом:

- очевидный дефект медицинской помощи (оставление медицинских принадлежностей в полости тела пациента, грубая диагностическая ошибка, применение неправильных препаратов);
- наличие латентного дефекта, выявление которого возможно лишь при специальном исследовании (ошибки при дозировании, неправильная техника при осуществлении операции, несвоевременное вмешательство);
- спорная квалификация действий медицинского работника (появляется при наличии нескольких различных школ и подходов к лечению);
- сокрытие преступлений путем фальсификации медицинской документации.

Специфика следовой картины ятрогенных преступлений выражается в том, что большинство следов содержится в медицинской документации. Вся медицинская документация (состоящая из историй болезни, протоколов операций, листов назначений, результатов анализов и обследований) является материально зафиксированным процессом оказания медицинской помощи [3, с. 90]. Однако медицинская документация нередко подвергается изменениям. Как показывают результаты исследования 2024 г., в 43 % случаев при расследовании ятрогенных преступлений имеются признаки фальсификации медицинских документов [4, с. 159].

Значительную роль занимают материальные следы на теле потерпевшего. Однако возникает проблема, заключающаяся в том, что последствия ятрогенных преступлений могут быть неотличимы от последствий медицинского вмешательства. Стоит также отметить, что тело пациента представляет собой «палимпсест», где происходит наложение следов болезни, правомерного и неправомерного медицинского вмешательства, а также дефектов оказания помощи.

Первоочередными следственными действиями являются:

- осмотр места происшествия (операционной, реанимационного отдела, палаты), в рамках которого необходимо зафиксировать обстановку и медицинское оборудование, медицинские препараты;
- осмотр с последующим изъятием медицинской документации с последующим привле-

чением специалиста для оценки полноты и достоверности записей;

- назначение судебно-медицинской экспертизы (далее – СМЭ) (экспертизы качества оказываемых медицинских операций);
- проведение допроса медицинского персонала, присутствовавшего при оказании помощи пациенту;
- допросы родственников пострадавшего для установления динамики состояния здоровья;
- изъятие образцов биологических материалов и вещественных доказательств (использованных медицинских инструментов, препаратов, перевязочного материала).

Также имеется проблема ввиду наличия разрыва во времени между совершением преступления и его выявлением. Дефект оказания медицинской помощи выявляется, как правило, спустя недели или месяцы, когда следовая картина значительно искажена или уничтожена. Свидетели, пострадавшие к этому моменту забывают детали, документы фальсифицируются, а объективная реконструкция становится практически невозможной.

Центральным элементом в доказывании факта совершения ятрогенного преступления является СМЭ. Экспертное заключение устанавливает дефекты оказания медицинской помощи, причинно-следственную связь между действиями (бездействиями) медицинского работника и наступившими последствиями, а также оценивается степень их тяжести [5, с. 41–44].

Важно отметить, что есть ряд проблем для осуществления СМЭ. Во-первых, существует дефицит кадров, которые имеют достаточную квалификацию для осуществления оценки качества оказываемой высокоспециализированной медицинской помощи. Эксперт-патологоанатом общего профиля не всегда способен адекватно и всесторонне оценить помощь отдельных специалистов (кардиохирургов, нейрохирургов и иных специалистов). Во-вторых, в медицинском сообществе имеется определенная солидарность медицинских сотрудников.

Методология экспертного исследования включает несколько этапов:

- анализ медицинских документов на предмет полноты, своевременности и правильности заполнения;
- оценка верности поставленного диагноза с учетом имевшихся данных у врача;
- определение соответствия проведенного лечения клиническим рекомендациям и стандартам оказания медицинской помощи;
- выявление дефектов при диагностике, лечении или организации медицинской помощи;

- выявление причинно-следственной связи между дефектами и наступившими неблагоприятными последствиями;

- оценка степени вреда, причиненного здоровью пациента.

Критическое значение имеет вопрос о причинно-следственной связи. Необходимо доказать, что имелся дефект медицинской помощи, который и повлек к неблагоприятному исходу. Но в медицине действуют вероятностные закономерности. Даже при правильном лечении возможен летальный исход или проблемы со здоровьем, которые вызваны тяжестью заболевания или особенностями здоровья пациента. Иногда имеется обратный эффект – вопреки допущенным ошибкам пациент может выжить.

Нередко возникает необходимость в проведении комиссионных и комплексных экспертиз с привлечением специалистов различных профилей. Оценка дефектов хирургического лечения может потребовать привлечения хирургов соответствующей специализации, анестезиологов-реаниматологов, клинических фармакологов. Повторное проведение экспертиз из-за их неполноты стало обыденностью. Так, за 2024 г. повторные экспертизы назначались в 37 % случаев [6, с. 77].

Важно подчеркнуть, что эксперты должны быть независимы. Привлечение экспертов того же медицинского учреждения, где произошел инцидент, равно как и привлечение врача, связанного с подозреваемым профессиональными или личными отношениями, является грубой ошибкой. Предпочтение следует отдавать экспертам из других регионов или федеральных экспертных учреждений.

Помимо судебно-медицинских, по данным делам могут назначаться:

- криминалистические экспертизы документов для выявления фальсификаций;
- почерковедческие экспертизы для установления исполнителей записей в медицинских картах;
- фармацевтические экспертизы для оценки правильности назначения и применения лекарственных средств;
- техническая экспертиза медицинского оборудования для выявления его неисправностей как возможной причины неблагоприятного исхода.

Благодаря анализу следственной и судебной практики возможно сформулировать комплекс мер по совершенствованию криминалистического обеспечения расследования ятрогенных преступлений. Среди ключевых направлений можно выделить следующие:

- необходимость создания межведомственных следственно-оперативных групп с

включением специалистов в области судебной медицины и здравоохранения;

- формирование отдельной специализации следователей, направленных на расследование ятрогенных преступлений;

- создание банка данных независимых экспертов-медиков, привлекаемых для производства экспертиз и дачи консультаций;

- внедрение стандартизированных протоколов осмотра места происшествия в медицинских учреждениях;

- разработка типового перечня вопросов для постановки на СМЭ;

- цифровизация здравоохранения для получения объективных данных об оказываемых услугах и состоянии здоровья из электронных медицинских карт, систем мониторинга, записей с камер наблюдения в операционных.

При этом следует согласиться с учеными, указывающими на целесообразность формирования более конкретных рекомендаций, поскольку общие зачастую не учитывают медицинской специфики, а потому являются малоэффективными [7].

Важно отметить, что существует проблема взаимодействия следственных органов с органами управления здравоохранением и страховыми медицинскими организациями. Страховые компании, осуществляющие контроль качества предоставляемых услуг, обладают ценной для следствия информацией. Несмотря на это, механизм взаимодействия следственных органов с фондами обязательного медицинского страхования до сих пор не налажен.

Существует опыт некоторых регионов по созданию оперативных групп и специализированных подразделений в органах прокуратуры для приема обращений граждан о некачественной медицинской помощи. Такая практика позволяет на ранней стадии выявить возможные преступления и организовать процессуальные проверки. В Москве и Московской области с 2023 г. действуют специальные подразделения, специализирующиеся на выявлении и раскрытии преступлений в сфере здравоохранения, что позволило повысить качество предварительного следствия и сократить сроки расследования в среднем на 22 % [1].

Превентивная составляющая имеет важное значение. Раскрытие и успешное расследование ятрогенных преступлений оказывают воздействие не только на потенциальных правонарушителей, но и на всю систему здравоохранения в принципе, стимулируя усиление контроля качества медицинской помощи, внедрение современных протоколов лечения и повышение квалификации персонала. Таким образом, криминалистическое обеспечение ятрогенных пре-

ступлений не только служит инструментом уголовной репрессии, но и повышает безопасность пациентов, а также улучшает качество оказываемых услуг.

Целесообразным также является развитие процедуры медиации по преступлениям небольшой тяжести. В большинстве случаев достаточно признания ошибки, извинений и выплаты компенсации ошибки врачом перед пострадавшим и (или) его родственниками. Это позволило бы разгрузить следственные органы и суды, сосредоточив их работу на более тяжких случаях ятрогенных преступлений.

Таким образом, следует констатировать, что расследование ятрогенных преступлений представляет собой сложную междисциплинарную задачу, расположенную на стыке криминалистики, судебной медицины и здравоохранения. Рост числа таких дел в России не только отражает факт низкого качества медицинской помощи, но и указывает на повышение правовой грамотности населения и усиление контроля за деятельностью медицинских организаций.

В качестве ключевых проблем расследования ятрогенных преступлений выступают: сложность установления причинно-следственной связи между действиями медицин-

ских работников и наступившими последствиями; высокая латентность и трудность выявления дефектов оказанной медицинской помощи; корпоративная солидарность медицинского сообщества; недостаток специализации следователей в области медицины; фальсификация медицинской документации.

Совершенствование криминалистического обеспечения расследования ятрогенных преступлений должно включать в себя: создание специализированной методики; формирование специальных подразделений следователей и экспертов; развитие межведомственного взаимодействия правоохранительных и медицинских органов; использование цифровизации здравоохранения. Только системность позволит обеспечить эффективное расследование ятрогенных преступлений, защиту прав пациентов и предотвращение необоснованного уголовного преследования медицинских работников за объективно неустраняемые медицинские риски медицинской деятельности. Кроме того, представляется перспективным анализ зарубежного опыта по выявлению и раскрытию ятрогенных преступлений с дальнейшей адаптацией к российским условиям.

Список литературы

1. Статистические данные Следственного комитета Российской Федерации о состоянии преступности за 2022–2024 годы // Официальный сайт СК РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/> (дата обращения: 14.01.2026).
2. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой, криминологический и криминалистический аспекты: монография / Н. А. Подольный, Г. П. Кулешова, Е. А. Коваль [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2020. 208 с.
3. Мазур Е. С., Князьков А. С. Понятие и проблемы расследования ятрогенных преступлений // Российское правосудие. 2021. № 6. С. 88–98.
4. Гаджиева А. А., Караева З. Ш. Латентность преступлений в сфере оказания медицинских услуг // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 4-1. С. 157–162.
5. Расследование преступлений, совершаемых медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений) / Д. В. Алехин, А. М. Багмет, В. В. Бычков [и др.]. М.: Юинити-Дана, 2018. 159 с.
6. Демин К. Е. О судебно-экспертном обеспечении раскрытия и расследования профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 2. С. 77–78.
7. Выриков Ю. А. Преступления, причиняющие вред жизни и здоровью пациента: эмпирический анализ и проблемы учета // Полицейская и следственная деятельность. 2026. № 1. С. 226–236.

Эффективность государственного регулирования охраны окружающей среды в сфере лесного хозяйства: проблемы и пути решения

© Михайлов А. Ю., 2026

А. Ю. Михайлов

Магистрант 3-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: mikhailov.ndr@yandex.ru

Научный руководитель:

И. Б. Чагин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: vanyachagin@yandex.ru

Аннотация. Анализируется эффективность государственного регулирования охраны окружающей среды, применяемого в области лесного хозяйства Российской Федерации. Рассматриваются недостатки существующих имущественных, административных, уголовных и дисциплинарных механизмов обеспечения соблюдения природоохранного законодательства. Предлагаются конкретные направления совершенствования системы государственного регулирования, включая внедрение стимулов для экологически ответственного поведения предприятий, принципов разделения права на природоохранное и природоресурсное, а также обоснование необходимости восстановления нарушенных свойств лесов в натуре.

Ключевые слова: государственное регулирование, природоохранное законодательство, окружающая среда, лесное хозяйство, природоресурсное законодательство.

Охрана окружающей среды и разумное пользование природными ресурсами представляют собой сложную и многогранную проблему. Ее урегулирование связано с организацией взаимоотношений человека и окружающего мира, подчинением людей определенной системе правил, законов, инструкций и порядков. В Российской Федерации законодательством закреплены императивные нормы, которые регулируют эксплуатацию природных компонентов.

Правовая охрана окружающей среды представляет собой совокупность определенных государством правовых положений и норм, возникающих в результате правоотношений, ориентированных на выполнение мероприятий по сохранению естественной окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов, оздоровлению экологического благосостояния для соблюдения интересов всех поколений. Это комплекс государственных мероприятий, установленных экологическим и иным законодательством, который направлен на использование, сохранение, охрану, воспроизводство и улучшение всех параметров благоприятных условий, являющихся основой для жизни людей и развития всех видов материального производства.

Согласно экологическому законодательству объектом правовой охраны является природная среда, которая по своей сути автономна, может существовать без присутствия человека, независимо от него, служащая пространством обитания, неотъемлемым условием, средством существования. Правовые положения об охране окружающей среды представляют собой базовую

норму, которая служит в целях обеспечения права человечества на крепкую, прочную и, самое главное, благоприятную для жизни окружающую среду.

В экологическом праве, так же как и в иных отраслях законодательства Российской Федерации, основополагающими проблемами являются осознание и верное практическое использование установленной законодательством системы принципов, выделение основных из них, которые являются наиболее значимыми и применимыми [1, с. 16].

Область законодательного регулирования охраны окружающей среды включает в себя большое количество категорий общественных взаимоотношений. Они объединены достижением общей социальной цели, которая заключается в защите и воспроизводстве окружающей природы, адекватном использовании и возобновлении природных ресурсов, недопущении оказания негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на природные компоненты, а также в устранении результатов этой деятельности.

Участниками экологических правоотношений выступают органы государственной власти и местного самоуправления, физические и юридические лица, общественные объединения. Это дает возможность рассматривать охрану окружающей среды как публичную деятельность, что соответствует сущности ее целей и задач.

Основными задачами государственного регулирования в области природопользования и охраны окружающей среды считаются:

- нормотворчество в сфере охраны, защиты и рационального использования окружающей среды;
- организационно-техническая деятельность в сфере экологии и окружающей среды, которая включает в себя планирование, финансирование, лицензирование;
- осуществление постоянных наблюдений за состоянием окружающей природной среды;
- осуществление контроля и надзора за соблюдением природоохранных юридических норм при помощи доступных методов воздействия на всех установленных законодательством уровнях.

В соответствии со ст. 75 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – 7-ФЗ) за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается уголовная, административная, имущественная ответственность [2].

Наиболее распространенными способами государственного регулирования природопользования и охраны природной среды в сфере лесного хозяйства являются административные и экономические (имущественные) методы. Если первым свойственны отношения власти и подчинения, основанные на нормативно-правовой базе, то вторым – экономические рычаги и стимулы, направленные на мотивацию лесопользователей к осмысленному использованию и охране природных систем и окружающей природной среды в целом.

Несмотря на обилие и разнообразие экономических способов воздействия на различных лиц в данной области отношений, административно-правовое регулирование использования природных систем является значимым и актуальным. Используются такие методы государственного управления, как выдача предписаний и требований об устранении выявленных нарушений, наложение разнообразных запретов [3, с. 121].

Значимой функцией в деятельности природоохранных органов является выдача соответствующих разрешений, позволяющих лицам использовать природные ресурсы, согласование различных видов деятельности, составление инструкций и рекомендаций, направленных на рациональное использование и охрану природной среды.

Административно-правовое регулирование – один из видов отраслевого правового регулирования, который основан на действии административного права и различного набора административно-правовых средств, регулирующих общественные отношения в области государственного управления.

Глава 8 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) посвящена

административным правонарушениям в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными. Из анализа данной главы видно, что совершение правонарушений в области природопользования и охраны окружающей среды преимущественно влечет наложение административных штрафов [4]. Административные методы часто пересекаются с экономическими.

Примером пересечения административных и экономических методов является взаимосвязь положений ч. 2 ст. 8.2. КоАП РФ и ст. 17 7-ФЗ.

В соответствии с ч. 2 ст. 8.2. КоАП РФ повторное в течение года совершение административного правонарушения в виде несоблюдения требований в области охраны окружающей среды при сборе, накоплении, транспортировании, обработке, утилизации или обезвреживании отходов производства и потребления влечет наложение административного штрафа или административное приостановление деятельности [Там же].

В качестве экономического метода положительного воздействия на проблему обращения с отходами производства и потребления рассмотрим ст. 17 7-ФЗ. В случае установки оборудования по использованию, транспортированию, обезвреживанию отходов производства и потребления, лицу, выполнившему данный перечень мероприятий, может быть оказана государственная поддержка в его деятельности по внедрению наилучших доступных технологий и иных мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду. В качестве мер позитивного воздействия на лиц, осуществляющих указанную деятельность, со стороны государства могут применяться следующие:

- 1) предоставление налоговых льгот в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;
- 2) предоставление льгот в отношении платы за негативное воздействие на окружающую среду;
- 3) выделение средств из различных бюджетов (федеральный и субъекта РФ) в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации.

Необходимость использования методов экономического стимулирования выражается в том, что в Российской Федерации в сфере эколого-ориентированного бизнеса складывается затруднительная ситуация. Организации, которые в своей деятельности ориентируются на внешние рынки, применяя в своем технологическом процессе стандарты, оказывающие благоприятное экологическое воздействие на продукцию и на технологию ее производства, обретают конкурентное преимущество перед товарами иных организаций.

В сфере лесного хозяйства к таким стандартам относится сертификация по системе FSC. Данный документ подтверждает соблюдение его держателем всех требований добровольной лесной сертификации. Одним из основополагающих принципов добровольной лесной сертификации по вышеуказанной системе является ведение лесного хозяйства. Оно должно обеспечивать сохранение биологического разнообразия и связанных с лесом ресурсов, водных, почвенных, а также уникальных и ранимых ландшафтов. Данный сертификат подтверждает, что материалы и продукция происходят из сертифицированных ответственно управляемых лесов.

На текущий момент законодательством не предусмотрены механизмы оказания государственной поддержки хозяйственной деятельности обладателям сертификатов различных систем добровольной сертификации.

Отсутствие применения экономических методов позитивного воздействия на лиц, осуществляющих использование лесов с сохранением водоохранных, оздоровительных, защитных, средообразующих, санитарно-гигиенических, климаторегулирующих и иных полезных функций лесов в интересах обеспечения права каждого на благоприятную окружающую среду, не стимулирует лесопользователей к рациональному, неистощительному и ответственному использованию лесов. При этом на внутреннем рынке они проигрывают конкурентную борьбу, в первую очередь ценовую, предприятиям, которые предпочитают воздержаться от экологических издержек.

В случае совершения действий (бездействий), оказывающих существенное негативное воздействие на окружающую среду, государством предусмотрено наиболее строгое наказание посредством привлечения к уголовной ответственности. Рассуждая об основах уголовной ответственности за совершение преступлений, по своей сути направленных против экологического благополучия и охраны окружающей среды, обратимся к Уголовному кодексу РФ (далее – УК РФ). Глава 26 УК РФ целиком посвящена экологическим преступлениям [5].

Проведя анализ положений данного правового акта, можно сделать вывод, что в нем представлен обширный список видов ответственности в шести основных сферах, касающихся рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды: воздух, почва, недра, водные ресурсы, лесные насаждения и соответствующие земли, объекты животного мира.

Привлечение лиц к уголовной, а не к иным формам ответственности за совершение экологических правонарушений встречается сравни-

тельно редко, что связано со степенью тяжести совершенных деяний.

Некоторые виды природоохранных правоотношений, которые подлежат регулированию при помощи административного и уголовного права, имеют много общего в своей основе. В результате нормы и законы, которые их регулируют, часто являются крайне схожими, что приводит к существенным трудностям их использования при применении права. Рассматривая результаты деяния как критерий определения его отраслевой принадлежности, следует отметить, что нередко границы между административными правонарушениями и преступлениями являются весьма размытыми [6, с. 490].

При наличии определенных дополнительных признаков административному правонарушению придается статус преступного деяния. Встречаются правонарушения, ответственность за которые предусмотрена одновременно в УК РФ и КоАП РФ. Например, ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и ст. 8.28 КоАП РФ «Незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан». В данном случае признаком преступления является именно сумма ущерба.

Часть 1 ст. 260 УК РФ устанавливает ответственность за незаконную рубку, а равно повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан, если эти деяния совершены в значительном размере. Примечание к данной статье гласит о том, что значительным признается ущерб, превышающий 5 тыс. руб. Исходя из положений ст. 260 УК РФ, одним из основных факторов при выборе вида ответственности за совершенное правонарушение является именно сумма ущерба [5]. При причинении вреда на сумму до 5 тыс. руб. данное деяние рассматривается как правонарушение и применяются положения административного законодательства.

В связи с фактом совершения незаконной рубки лесных насаждений собственности Российской Федерации, а именно лесным насаждениям, причиняется вред. Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» (далее – Постановление № 1730) установлены порядок возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства, включая таксы и методику возмещения вреда [7].

Из анализа данного правового акта следует, что вред, причиненный в результате осуществления незаконной рубки лесных насаждений, состоит из произведения объема срубленных деревьев, их стоимости и повышающих коэффициентов (при необходимости).

Уничтожение лесов приводит к негативным изменениям в атмосфере, гидросфере, почве, оказывает воздействие на живые организмы и сохранение биологического разнообразия в целом. Подход по определению вреда, обозначенный в Постановлении № 1730, не учитывает полезные свойства лесов как обязательное условие обеспечения благоприятной окружающей среды и свидетельствует об отношении к лесу как к природному ресурсу, а не как к одному из основополагающих компонентов природной среды. Даже при условии полного возмещения вреда, причиненного лесам, на данном лесном участке не всегда возможно проведение лесовосстановительных мероприятий, что является долгосрочной порчей окружающей среды.

Меры дисциплинарной ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды применяются в отношении лица, который осуществляет профессиональную деятельность, прямо или косвенно взаимосвязанную с воздействием на природные ресурсы или естественные условия. Данная деятельность требует беспрекословного соблюдения всех норм экологического законодательства, нормативов качества и состояния окружающей среды, полного выполнения планов и мероприятий по охране и рациональному использованию природной среды.

Экологические правонарушения представляют собой пагубные деяния, направленные на нарушение права каждого на благоприятную окружающую среду, которые совершаются лицами, уполномоченными на осуществление комплекса мероприятий, направленных на контроль и надзор за природоохранной деятельностью.

Данные правонарушения выражаются в форме действий или бездействий, в результате которых нарушаются правила и нормы трудовой дисциплины, которые касаются охраны и использования природных элементов, характеризующиеся умышленной или неосторожной виной.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что дисциплинарная ответственность за правонарушения в сфере экологии, совершенные при осуществлении лицами трудовой функции, наступает не за само событие причинения вреда природной среде, а за нарушение положений действующих инструкций, сводов правил и правовых актов в сфере экологического благополучия. Данный вид ответственности наступает за фактическое неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих

трудовых или должностных обязанностей, которые сопряжены с использованием или охраной окружающей среды.

За совершение дисциплинарного проступка к работнику организации применяются санкции в соответствии со ст. 192 Трудового кодекса РФ [8]. Учитывая высокую распространенность дисциплинарных правонарушений в области экологии, представляется целесообразным применение наиболее строгих видов дисциплинарных взысканий.

Исходя из вышеизложенного, государственное регулирование в сфере охраны окружающей среды, в том числе в сфере лесного хозяйства, предусматривает разнообразные методы воздействия на широкий перечень лиц, которые используют природные ресурсы в производственной деятельности и иных целях.

Обеспечение разумного природопользования и охраны окружающей среды является крайне важной задачей для всего государственного аппарата и всех государственных органов. Следует отметить, что в системе государственных органов имеются специальные обособленные органы. Их главной функцией является обеспечение разумного пользования природными ресурсами, их охрана и сохранение естественной природной среды в целом.

В соответствии со ст. 72 Конституции РФ природопользование, охрана окружающей среды, охрана особо охраняемых природных территорий, памятников истории и культуры находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Субъекты РФ имеют право устанавливать собственные правовые положения. Как правило, законодательные акты субъектов дублируют федеральное законодательство, однако отдельные положения детализируют его исходя из специфики конкретной территории субъекта РФ.

Компетенция определенных органов государственной власти субъектов РФ в целом устанавливается субъектом самостоятельно. Однако при этом должны быть учтены все требования Конституции РФ и соответствующего федерального законодательства.

Таким образом, система государственных учреждений, отвечающих за управление в области лесных отношений, включает в себя органы общей компетенции, а также специализированные органы. Концентрация полномочий в сфере природопользования и охраны окружающей среды в руках органов, образующих единую структуру под руководством Министерства природных ресурсов и экологии РФ, отображает основной подход законодателя. Эффективная охрана окружающей среды невозможна, если

природные ресурсы будут использоваться нерационально и нецелесообразно [9, с. 125].

Кроме того, отнесение вопросов охраны окружающей среды и природопользования в области регулирования природоохранной сферы и построения системы государственных органов, осуществляющих управление в сфере экологии, к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов свидетельствует о значимости адаптации правовых отношений к географическим, социально-экономическим и иным особенностям каждого региона Российской Федерации.

В целях формирования эффективной и сбалансированной государственной системы регулирования антропогенного воздействия в Российской Федерации на окружающую среду, в том числе и в сфере лесного хозяйства, необходимо провести следующие мероприятия:

1) рассмотреть возможность создания дополнительных способов позитивного экономического воздействия на все категории лиц, которые прямо или косвенно осуществляют использование лесов с учетом всех требований природоохранного законодательства, при условии подтверждения соблюдения правовых норм соответствующими сертификатами и иными видами документов;

2) более детально уточнить принцип разделения права на природоохранное и природоресурсное. Если произвести это деление по объективным причинам невозможно, то необходимо законодательно выделить ущерб окружающей среде как единому объекту (с учетом его сложных связей и характеристик) и ущерб отдельно взятым элементам среды;

3) руководствоваться обязательностью восстановления нарушенных свойств среды в натуре.

Помимо проведения вышеуказанных мероприятий, не стоит забывать о принудительных мерах понуждения лиц, осуществляющих использование лесных ресурсов, расположенных на землях лесного фонда, в коммерческих и иных целях. Механизмы принудительного исполнения природоохранного законодательства необходимы для обеспечения хотя бы минимума, который мог бы гарантировать сохранение потенциала и устойчивости лесных насаждений.

В то же время лишь авторитарными мерами невозможно остановить действующий процесс деградации окружающей среды. Представляется необходимым активнее применять методы позитивной мотивации, которые будут способствовать снижению негативного воздействия предприятий на окружающую природную среду, что приведет к благоприятным изменениям в экологической системе.

Список литературы

1. Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права : монография. М. : Юрайт. 2025. 498 с.
2. Об охране окружающей среды : федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
3. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Исакова Ю. И. Экологическое право России : учебник. М. : Юрайт, 2025. 432 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Гермашов Б. А. Понятия и виды экологических преступлений: проблемы и последствия // Вестник науки. 2023. № 6 (63). С. 489–492.
7. Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства : постановление Правительства от 29 дек. 2018 г. № 1730 // Собр. законодательства РФ. 2019. № 1. Ст. 25.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 1. Ст. 3.
9. Бидова Б. Б., Ганаева Е. Э. Экологические преступления в контексте безопасности государства // Аграрное и земельное право. 2022. № 10 (214). С. 120–127.

Заключение контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации как одно из оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания

© Наделяева Д. С., 2026

Д. С. Наделяева

Студент 4-го курса, Институт государственного права и национальной безопасности, Байкальский государственный университет, e-mail: dashanadel@gmail.com

Научный руководитель:

М. А. Сутурин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Байкальский государственный университет, e-mail: mialsu@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос введения в уголовное законодательство Российской Федерации нового основания для освобождения от уголовной ответственности и наказания. Анализируются конкретные примеры правоприменительной практики. Обозначаются актуальные проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: специальная военная операция, уголовная ответственность, освобождение от наказания, военные действия, военнослужащий.

В целях демилитаризации и денацификации Украины, защиты мирного населения приграничных территорий, а также жителей Донецкой и Луганской народных республик 24 февраля 2022 г. была начата специальная военная операция. Стремительно меняющаяся обстановка потребовала от законодателя оперативного реагирования, результатом чего стали изменения, внесенные в российское законодательство.

На протяжении нескольких лет перечень оснований освобождения от уголовной ответственности не претерпевал существенных изменений. Однако 23 марта 2024 г. начали действовать положения Федерального закона № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в результате принятия которого гл. 11 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) была дополнена ст. 78.1. Она предполагает новое основание, связанное с политикой, проводимой Российской Федерацией, а также с обстановкой на международной арене [1]. Кроме того, законодательные нововведения коснулись и осужденных лиц, уже отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Нормативный акт установил для них право на условное освобождение в случае подписания контракта о прохождении военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время. Данные изменения были закреплены в ст. 80.2 УК РФ.

В силу положений указанного федерального закона для лиц, поступивших на военную службу по призыву или на контрактной основе в рядах Вооруженных Сил РФ, вводится специальный правовой механизм, предусматривающий

освобождение от уголовного преследования и погашение судимости.

Также погашение судимости или освобождение от ответственности применяется в том случае, если лицо приставлено к ордену или медали за успешное выполнение боевых задач либо завершает военную службу по определенным основаниям.

Особую дискуссию у законодателя вызвал вопрос о категориях дел, по которым возможно применение данного основания. Было озвучено предложение применять данное основание лишь к лицам, которые совершили преступление небольшой или средней тяжести. Это было отражено в первоначальном тексте законопроекта № 569651 81. Однако при обсуждении данного законопроекта в Государственной Думе РФ был поднят вопрос о допустимости применения действия данной статьи к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления. После обсуждения законодателем было принято решение, которое в данный момент отражено в диспозиции ст. 78.1 УК РФ. В ней сказано: освобождения и специальные основания погашения судимости не применяются к лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и преступления, предусмотренные ст. 189, 200.1, 205–205.5, 206, 208–211, п. «б» ч. 2 ст. 251.4, 217.1, 220, 221, 226.1, 229.1, 274.1, 275, 275.1, 276–280.2, 280.4, 281–281.3, 282.1–282.3, 283–283.2, 284, ч. 2 ст. 322.1, 355, 359–361 УК РФ. Как видно, совершение разбоев, убийств, причинение тяжкого вреда здоровью не исключают возможности освобождения от уголовной ответственности [2, с. 57]. Как следует из пояснительной записки к проекту федерального

закона, он направлен в первую очередь на закрепление правовых гарантий освобождения от уголовной ответственности лиц, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время [3, с. 105].

На наш взгляд, внесение таких изменений в текущее законодательство является вполне оправданным в рамках сложившейся внешнеполитической обстановки. Для успешного проведения специальной военной операции стране необходимо в максимально возможных масштабах задействовать один из главных требуемых ресурсов – человеческую силу. Человеческие ресурсы играют ключевую роль в достижении поставленных целей, и именно от них во многом зависит эффективность выполнения задач, стоящих перед Вооруженными Силами РФ. Кроме того, следует отметить, что многие граждане нашей страны проявляют желание встать на защиту своего Отечества.

Это подтверждается и действующей статистикой. В марте 2026 г. в официальном издании «Фонтанка.ру» была опубликована статья, которая наглядно отражает актуальность и значимость данных нововведений для общества. В данный момент в Российской Федерации наблюдается исторический минимум числа заключенных. Их число сводится к цифре 308 тыс. Отмечается, что с начала 2025 г. судами Российской Федерации было вынесено больше 5 тыс. решений о прекращении уголовного преследования. Об этом 4 марта сообщил заместитель председателя Верховного Суда РФ Владимир Владимирович Хомчик на заседании Совета Федерации [4].

Помимо того что заключение контракта с Вооруженными Силами РФ способствует освобождению от ответственности и отбывания наказания, анализ текущей судебной практики позволяет выделить вектор, направленный на учет участия в специальной военной операции в качестве смягчающего вину критерия. В этом контексте примечательно решение Верховного Суда РФ [5] по факту аварии со смертельным исходом. Лицо в перечне смягчающих обстоятельств заявило о своем участии в специальной военной операции, настаивало о пересмотре приговора в суде апелляционной инстанции. И хотя суд первой инстанции не учел возможность применения ст. 80.1 УК РФ – изменение обстановки, высшая судебная коллегия поддержала доводы защиты об освобождении данного лица от ответственности.

Но, несмотря на все положительные моменты данного нововведения, которые могут значительно улучшить ситуацию и принести пользу

государству, существуют также и отрицательные аспекты, которые могут вызвать определенные проблемы и негативные последствия в различных сферах жизни.

Исследования показывают, что пребывание лица в эпицентре вооруженных конфликтов с высокой долей вероятности влечет за собой возникновение посттравматического стрессового расстройства. Оно находит выход в латентной озлобленности и обширном спектре девиаций психической деятельности. Если опираться на статистические данные, представленные в научной литературе, то приблизительно 20 % военнослужащих, участвовавших в горячих точках, демонстрируют признаки хронифицированных посттравматических нарушений, корень которых уходит в экстремальный опыт, пережитый на поле боя. «Примерно до 12 % участников боевых действий обладают собственными извращенными взглядами на запрет убийства, грабеж, насилие. В частности, длительное участие в вооруженном конфликте может привести к девальвации идеи освободительной миссии армии, к криминализации и психопатизации многих военнослужащих» [6, с. 42]. Важно подчеркнуть, аналогичные механизмы психической травматизации действуют и на участников специальной военной операции. Возвращающиеся из зоны специальной военной операции военнослужащие подвержены тем же факторам стресса: угроза жизни, потеря сослуживцев, необходимость подавлять естественные реакции. Следовательно, они в равной степени с иными военнослужащими, принимающими участие в военных действиях, подвержены развитию хронического посттравматического стрессового расстройства. Если государство своевременно не предпримет шагов, направленных на психологическое восстановление и возвращение указанной категории граждан к нормальной жизни в социуме, они способны нести угрозу для окружающих.

Для решения данной проблемы, на наш взгляд, необходимо разрабатывать медицинские центры психологической помощи, которые будут специализироваться именно на работе с военнослужащими, получившими психологическую травму при участии в военных действиях. Они являются особой категорией граждан, и подход, который используется к гражданскому населению, не всегда является результативным по отношению к указанным лицам. В данный момент в различных субъектах РФ открываются такие центры. Важно акцентировать внимание на том, чтобы они не превращались в места общих психологических консультаций, а стали именно специализированными медицинскими учреждениями для работы с военнослужащими.

Стоит отметить также и то, что лица, обладающие обширным криминальным опытом и устойчивыми антисоциальными установками, способны создавать угрозу законности и правопорядку в том числе и непосредственно в рядах Вооруженных Сил РФ. Помимо дисциплинарных проступков, указанными субъектами могут быть совершены преступления против порядка несения военной службы, а равно и насильственные деяния в отношении гражданского населения, проживающего на территориях, охваченных вооруженным конфликтом. Обращаясь к мировому историческому опыту, следует отметить наличие прецедентов, при которых в армию привлекались граждане, ранее подвергавшиеся уголовному преследованию. При этом служба в армии выступала в качестве альтернативы отбыванию наказания за совершенное деяние. Для реализации подобного механизма в организационной структуре вооруженных сил формировались особые подразделения – штрафные батальоны, роты и аналогичные им единицы.

Показательно, что даже в один из наиболее критических периодов российской истории XX столетия – в годы Великой Отечественной войны – советское законодательство сохраняло дифференцированный подход к данному вопросу. Призыву в Рабоче-крестьянскую Красную армию (далее – РККА) подлежали исключительно осужденные за преступления небольшой и средней тяжести, при условии, что неотбытая часть назначенного им срока лишения свободы составляла не более одного года. Лица же, признанные рецидивистами либо совершившие тяжкие и особо тяжкие деяния, к зачислению в состав РККА не допускались [7, с. 68]. В данный момент такое основание может быть использовано для всех категорий преступлений, за исключением конкретных составов, упомянутых в диспозиции ч. 1 ст. 78.1 УК РФ.

В этой связи видятся следующие пути решения обозначенной проблемы. Первый и наиболее важный – это создание специализированных подразделений. В настоящее время подобный механизм применяется, однако существует объективная потребность в придании данному правилу императивной юридической силы. Представляется целесообразным формирование обособленных воинских структурных единиц, предназначенных для прохождения службы гражданами, прибывшими из пенитенциарных учреждений, при одновременном установлении за ними усиленного контроля и надзора. Необходимо создать режим, максимально приближенный к военному укладу, но без смещения с обычными контрактниками. Также действенным видится введение так называемого испытательного срока, в течение которого даже проступки

лица, не вызывающие высокую общественную опасность, могут повлечь за собой расторжение контракта и возвращение в место отбывания наказания. Подобный подход будет выступать действенным стимулом к формированию и поддержанию правопослушной модели поведения среди указанной категории лиц.

В качестве одного из неблагоприятных последствий реализации механизма освобождения от уголовной ответственности допустимо рассматривать недостижение задач, традиционно возлагаемых на институт наказания. К числу таковых, как известно, принадлежат исправление осужденного, а также общая и частная превенция противоправных посягательств. В контексте анализируемой проблематики необходимо внести существенное уточнение: имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что факты посткриминального рецидива среди лиц, принимавших участие в специальной военной операции и прежде подвергавшихся уголовному преследованию по обвинительному приговору, не характеризуются массовостью. Вместе с тем было ошибочным полностью отрицать существование единичных случаев подобного рода, которые находят свое отражение в сложившейся практике.

В качестве наглядного примера рецидивной преступности среди лиц, воспользовавшихся механизмом освобождения от уголовного преследования в связи с направлением в зону специальной военной операции, допустимо сослаться на резонансный случай, зафиксированный на территории Забайкалья. Гражданин Цырен-Доржи Цыренжапов еще в 2020 г. привлекался к уголовной ответственности и был приговорен к четырнадцатилетнему сроку заключения за причинение смерти восемнадцатилетней девушке с особой жестокостью, выразившейся в расчленении трупа. Пробыв в местах лишения свободы лишь часть назначенного наказания, через три года он оказался в рядах участников специальной военной операции. Однако после возвращения в гражданскую среду указанный субъект вновь продемонстрировал устойчивость криминальных установок, совершив убийство двадцатидвухлетней потерпевшей, вследствие чего ему был вынесен обвинительный приговор с идентичной мерой наказания, четырнадцатью годами лишения свободы.

Президент РФ Владимир Путин на встрече с военкорами 13 июня 2023 г. отметил: «Человек воюет, честь ему и хвала, государство должно все сделать для того, чтобы выполнить свои обязательства перед людьми, и мы делаем это... я же подписываю указы о помиловании, но действительно есть рецидивы, тогда человек должен отвечать по всей строгости закона, чего бы там не происходило» [8].

Считаем востребованной и своевременной законодательную инициативу, которая предполагает, что на момент несения военной службы будут приостанавливаться уголовные дела, поведение этой категории лиц будут держать на контроле командиры воинских частей Минобороны России. Однако если после начала военной службы по контракту такой человек вновь совершит преступление, то суд должен назначить ему наказание по совокупности с учетом ранее вынесенных приговоров.

Также особую остроту принимает проблема, связанная с эффектом декриминализации воинской дисциплины. Категория людей, обладающих неснятой судимостью и психологической деформацией, в условиях стрессовой боевой обстановки склонна к самовольному оставлению частей. Данное деяние, по сути, нивелирует цели уголовного наказания, превращая военную службу в формальный инструмент ухода от ответственности. На данный момент законодателем уже принимаются меры по решению возникающих проблем. Изменения коснулись ст. 337 УК РФ. В данной норме речь идет о самовольном оставлении воинской части. С декабря 2025 г. в статье появился новый пункт 2.2, диспозиция которого направлена на категорию лиц, которые были освобождены от наказания условно, в соответствии с ч. 1 ст. 80.2 УК РФ. Таким образом, законодатель, выявив проблемы, связанные с самовольным оставлением воинских частей военнослужащими из числа лиц, освобожденных на основании ст. 80.2 УК РФ, оперативно отреагировал на сложившуюся ситуацию.

Важным аспектом является поиск баланса между публичными интересами государства и частными интересами осужденного. С одной стороны, государство испытывает потребность в комплектовании рядов Вооруженных Сил РФ в особых условиях, и благодаря данному нововведению оно получает возможность легально и оперативно привлечь к военной службе физически здоровых лиц. Они имеют жизненный опыт в условиях строгой регламентации поведения, что при определенной психологической подготовке может быть обращено в дисциплинарное преимущество. Многие осужденные довольно хорошо могут быть знакомы с оружием, обладают необходимыми для военнослужащего качествами – мужеством, отвагой и смелостью [9, с. 56].

Государственный интерес здесь состоит не только в восполнении кадрового дефицита, но и в реализации социально позитивной функции – предоставление осужденному шанс на «искупление» военной службой. Вместе с этим у государства появляется возможность экономить бюджетные средства на пенитенциарной системе. С другой стороны, интерес заключенного – это реальная возможность досрочного освобождения, получения социального одобрения, хорошего материального довольствия и последующего трудоустройства. Однако данный баланс может быть легко нарушен, если правовые гарантии для одной из сторон отсутствуют [10, с. 129]. Так, если слишком затянуть гайки, то осужденный может быть использован не как физическая сила, а как обычный заградотряд, что лишь отнимет у него жизнь, и не будут достигнуты цели, преследуемые нормой закона. Излишняя либеральность к осужденному может подорвать воинскую дисциплину и дискредитировать саму идею службы. Оптимальный баланс, таким образом, должен обеспечиваться через законодательно закрепленные условия. Только при таком подходе контракт становится не фикцией принуждения, а взаимным обязательством. Государство дает реальный шанс на свободу, в то время как заключенный принимает на себя обязательства добросовестно исполнять свои обязанности и соблюдать установленный правопорядок.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что поддержка и вовлечение граждан в военные действия становятся не только необходимым шагом, но и важным элементом в обеспечении безопасности и стабильности нашей страны. Обобщение данных, накопленных правоприменительной практикой, позволяет сделать вывод, что преобладающая доля бывших осужденных после возвращения из зоны боевых действий специальной военной операции встает на путь исправления. У данной категории граждан фиксируется трансформация мировоззренческих установок, а отношение к социальному бытию выстраивается на фундаменте общепринятых морально-нравственных императивов социума. В данный момент государству необходимо направить весь возможный ресурс для достижения поставленных задач. И лишь при совместном усилии всех граждан Российской Федерации главные цели специальной военной операции будут достигнуты!

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 19.12.2016 № 436-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Жукова Т. Г., Долгополов К. А., Жуков А. П. Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2. С. 55–60.

3. Чукин Д. С. Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции (комментарий к Федеральному закону от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. Военно-правое обозрение. 2023. № 9. С. 102–108.

4. Ограничений мало. Больше 5 тысяч дел прекратили в России – обвиняемые подписали контракт с Минобороны // Фонтанка.ру. 2026. 4 марта. URL: <https://www.fontanka.ru/2026/03/04/76294629/> (дата обращения 04.04.2026).

5. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2023 г. № 225 УД23-8-К10 // Гарант: справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/407352648/?ysclid=mun73h83311109534> (дата обращения: 05.04.2026).

6. Белозеров Г. М., Джурко В. В., Клименко Г. Я. Реабилитация участников боевых действий: история, современное состояние, перспективы развития // Экология человека. 2004. № 4. С. 40–45.

7. Гарипов Т. И., Дворянов И. Б. Концептуальные основы освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с призывом на военную службу либо заключением контракта о прохождении военной службы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 4. С. 64–70.

8. Путин подтвердил, что подписывает указы о помиловании заключенных – участников СВО // ТАСС. 2023. 14 июня. URL: <https://tass.ru/politika/17998679> (дата обращения 06.04.2026).

9. Осипова Н. В. Освобождение от уголовной ответственности участников специальной военной операции: новый закон и новые проблемы // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2024. № 4 (64). С. 53–60.

10. Красненкова Е. В., Алешко Б. Е. Эффективность применения освобождения от уголовной ответственности // Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69). С. 129–133.

История государственной измены в уголовном праве России

© Павлов М. М., 2026

М. М. Павлов

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: miha.pavlo@mail.ru

Научный руководитель:

Э. В. Георгиевский, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Аннотация. Проводится комплексный историко-правовой анализ эволюции состава государственной измены в российском уголовном законодательстве с момента его зарождения до современности. Исследуются социально-политические предпосылки криминализации деяния, а также трансформация его юридических конструкций и содержательного наполнения в различные исторические периоды: от Русского государства до Российской Федерации. Особое внимание уделяется взаимосвязи между государственным строем, внешними угрозами и законодательным определением измены. Делается вывод о дуалистической природе данного состава, балансирующего между защитой государственного суверенитета и риском использования в политических целях.

Ключевые слова: государственная измена, уголовное право России, историко-правовой анализ, политические преступления, безопасность государства, Уголовное уложение 1903 г., ст. 58 УК РСФСР, ст. 275 УК РФ.

Государственная измена относится к числу древнейших уголовно наказуемых деяний. Она представляет собой уникальный правовой феномен, в котором сфокусированы ключевые вызовы государственности – вопросы лояльности, суверенитета и национальной безопасности. Эволюция этого состава в российском праве выступает не столько хроникой изменений юридической техники, сколько зеркалом политической истории страны. В ней отражаются смена режимов, идеологий и представлений о самой природе государства, а также о долге гражданина перед ним. Изучение этой эволюции позволяет выявить фундаментальные закономерности и специфические особенности отечественного подхода к криминализации наиболее опасных форм политического поведения.

Актуальность темы обусловлена непреходящей значимостью защиты основ конституционного строя. Современный мир характеризуется новыми формами гибридных угроз и информационного противоборства. В этих условиях тема приобретает особое звучание. Вокруг применения ст. 275 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) сегодня разворачиваются острые дискуссии. Ключевой вопрос: как найти баланс между безопасностью и правами личности? Для глубокого понимания этой проблемы необходимо учитывать исторический контекст и знать генезис правовых норм. Анализ ошибок и достижений прошлого позволяет более взвешенно подходить к совершенствованию действующего законодательства. Главная задача – избежать двух крайностей: излишней репрессивности, с одной стороны, и недооценки реальных угроз – с другой [1, с. 22].

Зарождение понятия измены на Руси происходило не в рамках формального закона. Основанием выступали княжеская юрисдикция и обычное право, где измена отождествлялась с «ведовством» или «переветом», т. е. с нарушением клятвы верности сюзерену. Первые письменные фиксации этого понятия содержатся в Русской Правде (ст. 4 Краткой редакции). Речь в ней шла об организации убийства княжеского мужа либо о переходе свободного человека в иноземное холопство. Такое действие означало для князя потерю воина и налогоплательщика. Судебник 1497 г. ввел термин «крамола». Это понятие охватывало заговор, мятеж и сношение с врагом. Однако подлинно детализированное определение измены впервые появилось в Соборном уложении 1649 г., которое принял царь Алексей Михайлович. В гл. II Уложения («О государевой чести, и как его государево здоровье оберегать») к измене приравнивались не только прямые действия против государя – скоп и заговор, неприяние мер против умысла на царя. Сюда же относился и умысел самого подданного: «будет кто каким умышлением учнет мыслить на государево здоровье злое дело». Наказание предусматривалось единственное – смертная казнь с конфискацией имущества. Это подчеркивало абсолютный приоритет защиты персоны монарха, который олицетворял собой государство [2, с. 83].

Петровская эпоха дала новый импульс развитию законодательства об измене. Так, Военским артикулом от 1715 г. был введен новый материальный элемент. Изменой стали считать не только какие бы то ни было намерения, но также и конкретные действия, которые вредят военной мощи страны. К таким поступкам относились, например, сдача крепости или подстрекатель-

ство к дезертирству, а также переписка с врагом. Измена уже перестала приравняться к «оскорблению величества». В XIX в., особенно после декабристского восстания, законодательство о государственных преступлениях привели в порядок. Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г.) в гл. III выделило измену уже в отдельную категорию. К измене стали относиться такие поступки, как нежелание давать присягу на верность, например, или участие в вооруженных выступлениях против России, а также переход на сторону врага. Нововведением стала дифференциация наказаний в зависимости от последствий и обстоятельств. Вместе с тем высшая мера – смертная казнь – сохранялась [3, с. 17].

Следующим этапом стало Уголовное уложение 1903 г. Этот документ считается вершиной юридической мысли дореволюционной России. Уложение впервые четко отделило государственную измену (разд. I, гл. 2) от смуты, под которой понимались бунт и восстание. Состав измены был сформулирован более формально-юридически. В него вошли следующие деяния: оказание помощи иностранному правительству в военных или иных враждебных действиях против России; передача государственной тайны; присоединение к неприятельским войскам (ст. 108–118). Закон делал акцент на внешней составляющей преступления, т. е. на взаимодействии с иностранным государством. Такой подход сужал пространство для произвольного толкования. Вместе с тем жесткие санкции сохранялись [4, с. 49].

Революция 1917 г. кардинально изменила парадигму понимания измены. Советское государство, которое родилось в условиях Гражданской войны и интервенции, с самого начала рассматривало измену через призму классовой борьбы. Уже в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. контрреволюционная деятельность ставилась во главу угла. Апогеем развития этого подхода стала печально известная ст. 58 УК РСФСР 1926 г. Понятие «измена Родине» было введено только в 1934 г. (ст. 58–16). Под ним понимались побег или перелет за границу военнотружущего, а также отказ вернуться на родину. Санкция предусматривалась жесткая: смертная казнь с конфискацией имущества либо, при смягчающих обстоятельствах, десять лет лагерей с конфискацией. Особенность заключалась в том, что измена поглощалась более широким понятием «контрреволюционное преступление». На практике она часто применялась в сочетании с другими пунктами – шпионажем, вредительством. Закон создавал не только правовую, но и идеологическую конструкцию. Измена понималась как предательство не просто

страны, а социалистического строя и мирового пролетариата. Такой подход позволял применять эту норму в ходе массовых политических репрессий [5, с. 153].

Распад СССР и принятие Уголовного кодекса РФ в 1996 г. ознаменовали возврат к более традиционному, рациональному пониманию измены.

Статья 275 УК РФ определила государственную измену следующим образом: это шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации. Совершить такие действия может только гражданин Российской Федерации. Законодатель сознательно сузил объект преступления до внешней безопасности.

Еще одно существенное отличие состоит в том, что измену не приравнивают к вооруженному мятежу (ст. 279 УК РФ) или диверсии (ст. 281 УК РФ). Практика показывает, что применять данную статью сложно. Еще одна трудность связана с доказыванием, потому что необходимо подтвердить прямой ущерб безопасности.

Если говорить о деянии, которое находится на стыке права, политики и государственной безопасности, то в этой сфере формулировки закона сталкиваются с тремя группами факторов: реалиями международного противостояния, развитием технологий и необходимостью защиты прав личности. Выявленные проблемы не являются сугубо российским явлением, но в отечественном контексте они приобретают особую остроту в силу исторического наследия и текущей геополитической обстановки, требуя постоянного научного осмысления и взвешенных законодательных корректировок [6, с. 25].

Основные правовые проблемы современного состава государственной измены, закрепленного в ст. 275 УК РФ, носят системный характер и проистекают как из конструкции нормы, так и из практики ее применения. Центральной проблемой выступают растяжимость и оценочный характер ключевых признаков состава, что создает риски неоднозначного толкования и расширительного применения [7, с. 36]. Прежде всего, это касается понятия «иное оказание помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям». Отсутствие законодательного или легального (через постановление Пленума Верховного Суда) разъяснения того, какие конкретные действия могут подпадать под «иную помощь», оставляет чрезвычайно широкое поле для усмотрения следствия и суда. В условиях отсутствия четких границ под эту формулировку тео-

ретически может быть подведена практически любая форма профессионального или личного общения с иностранными коллегами, передача общедоступных аналитических материалов, участие в международных проектах, которые впоследствии могут быть оценены как враждебные. Вторая проблема, тесно связанная с первой, – это неопределенность понятия «враждебная деятельность в ущерб внешней безопасности Российской Федерации» [8, с. 259].

Внешняя безопасность представляет собой сложную многокомпонентную категорию. Закон не конкретизирует, какой именно ущерб и какого уровня должен быть причинен. Остается открытым вопрос: достаточно ли гипотетической возможности нанесения ущерба или требуется доказать его реальное наступление? Неясно также, что следует понимать под «враждебной деятельностью» в мирное время при отсутствии открытого конфликта. Ограничивается ли это понятие лишь прямыми шпионскими операциями? Или сюда входят также санкционная политика, информационное противоборство, поддержка политических оппонентов режима? Эта неопределенность приводит к тому, что квалификация часто зависит от субъективной оценки органов безопасности и суда, а не от четких правовых критериев. В итоге подрывается принцип правовой определенности.

Еще одна проблема носит как доктринальный, так и практический характер. Речь идет о сложности разграничения государственной измены (ст. 275 УК РФ) и шпионажа (ст. 276 УК РФ). Помимо этого, трудности возникают и при отграничении данных составов от смежных, в частности от выдачи государственной тайны (ст. 275 и ст. 283 УК РФ) [9, с. 204]. Фактически шпионаж, который осуществляет иностранец, и выдача государственной тайны, совершенная гражданином, представляют собой частные и наиболее очевидные случаи измены. Однако их выделение в отдельные статьи при схожести объективной стороны, но при разных субъектах создает сложную и порой искусственную систему квалификации. На практике это может приводить к двум негативным последствиям. Во-первых, возникает конкуренция норм. Во-вторых, появляется непоследовательность в привлечении к ответственности, когда сходные по сути деяния получают различную юридическую оценку в зависимости от процессуальной позиции обвинения.

Кроме того, вызывает вопросы связь субъективной стороны (прямого умысла) с объективной реальностью. Доказывание нескольких обстоятельств оказывается крайне сложной задачей. Необходимо установить, что обвиняемый

сознавал именно враждебный характер деятельности иностранного получателя.

Также нужно доказать, что он осознавал направленность своих действий именно на ущерб внешней безопасности, а не, скажем, на научное сотрудничество или правозащитную деятельность [10, с. 45]. Судебные процессы по таким делам носят закрытый характер. Доказательства, которые собирает ФСБ, занимают доминирующее положение. В этих условиях принцип состязательности сторон оказывается существенно ограничен. Реальная возможность защиты также снижается. Это порождает серьезную проблему. Норма об измене может использоваться как инструмент политического давления в отношении граждан, чья деятельность, даже при наличии иностранных контактов, носит легальный публичный характер. В зону риска попадают журналисты, ученые, правозащитники [11, с. 15].

Наконец, абсолютная суровость санкции заслуживает отдельного внимания. Наказание предусмотрено в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет. Нижний порог отсутствует, альтернативные наказания не предусмотрены. Это не позволяет суду учитывать степень общественной опасности конкретного деяния, которая может варьироваться от фактического шпионажа в пользу противника до передачи несекретных данных. В итоге наказание оказывается чрезмерно жестким для всех случаев без исключения.

Пути решения этих проблем должны быть комплексными и направленными на повышение правовой определенности, обеспечение гарантий справедливого суда и соразмерности наказания. Первоочередным шагом должно стать принятие детализированного постановления Пленума Верховного Суда РФ, которое даст обязательное толкование ключевых оценочных понятий. В нем необходимо сформулировать не исчерпывающий, но ориентировочный перечень действий, которые могут рассматриваться как «иная помощь», обязательно связав их с конкретным ущербом безопасности (например, содействие в обход санкций военно-промышленному комплексу, вербовка агентуры, предоставление инфраструктуры для разведдеятельности). Понятие «враждебная деятельность» должно быть жестко увязано с действиями иностранного субъекта, направленными на подрыв суверенитета, территориальной целостности, обороноспособности или конституционного строя РФ с использованием противоправных методов, что исключит произвольное толкование легитимной дипломатической, экономической или информационной конкуренции как «враждебности» [12, с. 23].

Логично было бы обсудить реформу российского законодательства, которая объединила бы ст. 275 и 276 УК РФ. Представляется необходимым создать состав преступления «государственная измена и шпионаж». В рамках этого состава необходимо выделить несколько признаков, например, тех, кто совершил преступление – гражданин или иностранец; какой объект нарушен – государственная тайна или иная информация; какого рода помощь была оказана.

Для соблюдения принципа соразмерности необходимо дифференцировать наказания. За действия, которые не связаны с прямой передачей гостайны или не повлекли серьезных последствий, разумно ввести более мягкие сроки, например, от трех до пяти лет лишения свободы. За менее опасные деяния можно предусмотреть альтернативные наказания: крупный штраф и ограничение свободы.

Список литературы

1. Гончаров П. А., Дерюгин А. А. Противодействие коллаборационизму и фашистскому подполью на Украине и в Прибалтике в послевоенный период // Государство и безопасность: исторические, правовые и экономические проблемы : сб. материалов науч. тр. Белгород, 2025. С. 21–25.
2. Куликов Э. В. Уголовная ответственность за государственную измену и шпионаж в советском законодательстве: исторический аспект // Парламентаризм: региональный аспект формирования законодательства : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. студ. конф. Курган, 2025. С. 82–87.
3. Лукьянчикова Л. В. Борьба с проявлениями коллаборационизма в дореволюционной России: историко-правовой аспект // Юридическая гносеология. 2025. № 6. С. 16–23.
4. Иванов А. М., Зиновьева И. В., Масыгина Ю. Б. Историко-правовой анализ категории «гражданственность» // История государства и права. 2024. № 5. С. 48–52.
5. Каржицкая Е. Ю. Ответственность за государственную измену в истории России // Актуальные проблемы научных исследований: теоретический и практический аспекты : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2023. С. 152–158.
6. Зверев В. О. Меры контрразведывательного реагирования в годы Первой мировой войны // Вестник гуманитарного образования. 2025. № 2 (38). С. 21–29.
7. Лобжанидзе С. П., Абдулмуслимов Т. Л., Ахьядов Э. С. М. Особенности уголовной ответственности за государственную измену и шпионаж в истории уголовного права // Актуальные проблемы юриспруденции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов. Грозный, 2023. С. 35–38.
8. Новикова Ю. Г., Боровкова Е. И. История развития законодательства о государственной измене и шпионаже в России до 1917 г. // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений : сб. науч. ст. Шахты, 2021. С. 258–263.
9. Крестьянников Е. А. Томский судья Александр Левберг: грани пособничества большевикам в начале Гражданской войны // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 1. С. 203–217.
10. Кудратов Н. А. Уголовно-правовая охрана основ конституционного строя и безопасности государства: проблемы доктрины, правоприменения и совершенствования законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2021.
11. Феклистов А. И. Верховная комиссия под председательством инженер-генерала Н. П. Петрова (1915–1916) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2021.
12. Горский В. В. Генезис понятия «государственная измена» в рамках развития феномена социальной измены в реалиях русской истории X–XI вв. // Россия и мир в прошлом и настоящем : материалы II Межвуз. науч. конф. студентов и школьников. М., 2020. С. 22–33.

Криминалистическое значение запаховых следов человека и проблемы использования ольфакторных выборок в доказывании

© Полонина А. А., 2026

А. А. Полонина

Студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: lina.polonina@bk.ru

Научный руководитель:

Е. В. Кузнецов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kev300579@yandex.ru

Аннотация. Анализируется криминалистическое значение запаховых следов человека, рассматриваются проблемы использования ольфакторных выборок в доказывании по уголовным делам. Исследуется научная обоснованность кинологического метода идентификации личности, разграничиваются оперативно-разыскная и экспертная формы применения одорологии. Оцениваются перспективы инструментальной одорологии, подвергаются анализу тактические ошибки при изъятии и хранении запаховых следов, а также формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования и методического обеспечения ольфакторной экспертизы.

Ключевые слова: одорология, запаховые следы, ольфакторная экспертиза, доказывание, биодетекторы, судебная практика, идентификация личности.

Запаховый след человека занимает особое место в системе криминалистических объектов. В отличие от дактилоскопической или генетической информации, запах невидим, неосязаем и не воспринимается человеком непосредственно. Однако его материальная природа и способность нести индивидуальную характеристику личности давно привлекли внимание криминалистов. Как отмечает В. И. Старовойтов, заинтересованность органов расследования во внедрении ольфакторной экспертизы определяется большой информационной ценностью получаемых данных, позволяющих использовать их в решении как идентификационных, так и диагностических задач, в том числе по преступлениям, совершенным в условиях неочевидности [1, с. 70]. Тем не менее, несмотря на полувековую историю развития криминалистической одорологии в России, процессуальное значение запаховых следов и допустимость результатов их исследования остаются предметом дискуссий. Скептицизм судов и части ученых в отношении «собачьих выборок» имеет под собой как объективные, так и субъективные основания, требующие детального анализа.

Фундаментальной проблемой, порождающей недоверие, является сам объект исследования – молекулы пахучих веществ, которые не могут быть непосредственно восприняты следователем или судом. Противники метода, в частности Р. С. Белкин, М. С. Строгович, В. И. Шиканов и Н. Н. Тарнаев, настаивали на том, что результаты применения служебно-разыскной собаки не могут быть доказательством, поскольку закон не упоминает собаку-ищейку в перечне источников доказательств, а свойства самих молекул запаха остаются недоступными для непо-

средственного восприятия участниками процесса [2, с. 201]. Однако, как возражают М. М. Ардавов и А. В. Сурцев, недоступность восприятию – свойство не только запаховых молекул, но и многих других микрообъектов (например, клеток крови, частиц ДНК), доказательственная ценность которых никем не оспаривается [3, с. 329]. Более того, как указывается в публикации с сайта «Словарь эксперта», результаты одорологической экспертизы могут иметь доказательственное значение «в совокупности с другими данными: видеозаписями, дактилоскопией, ДНК, трасологией, показаниями, изъятими предметами» [4].

Ключевой аргумент скептиков сводится к тому, что использование собаки как биодетектора вносит элемент неопределенности, поскольку результат якобы зависит «от выучки и настроения собаки» [5, с. 64–65]. Этот тезис не выдерживает критики при детальном рассмотрении методической стороны вопроса. Во-первых, как подчеркивает М. В. Салтевский, обоняние специально дрессированной собаки следует интерпретировать как биологический «инструмент» в руках специалиста, исследующего запаховый источник. Подобно специалисту, применяющему хроматограф, кинолог тоже детектирует в источнике запаховое вещество с помощью своего «инструмента», которым владеет так же, как эксперт хроматографом [1, с. 71]. Во-вторых, статистическая надежность кинологического метода подтверждена математически: вероятность ошибки при категорически положительном заключении составляет $1,02 \times 10^{-8}$ (одна ошибка на 100 млн случаев), а при категорически отрицательном – $3,15 \times 10^{-5}$ [6, с. 498–499]. Эти показатели сопоставимы с надежностью инструментальных методов анализа и многократно превышают

требования, предъявляемые к судебным доказательствам. В-третьих, как отмечает А. В. Хмелева, эксперт использует специальные знания для интерпретации комплекса сигналов биодетектора, наблюдает, воспроизводит данные, перепроверяет поведение собак – собака лишь «прибор», а вывод делает человек [5, с. 65].

Принципиальное значение для понимания статуса ольфакторных исследований имеет разграничение между оперативно-разыскным применением служебных собак (кинологической выборкой) и судебной ольфакторной экспертизой. Как отмечают М. М. Ардавов и А. В. Сурцев, эти две формы использования одорологического метода различаются по статусу, субъекту проведения, объектам и доказательственному значению [3, с. 329–330]. Кинологическая выборка в рамках оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) направлена на обнаружение и преследование лица по запаховым следам, ее результаты не обладают самостоятельным доказательственным значением и служат лишь ориентирующей информацией. В отличие от этого, судебная ольфакторная экспертиза проводится в лабораторных условиях экспертом, обладающим специальными знаниями в области пахучих следов и лабораторных методик, на основе постановления следователя или определения суда [3, с. 330]. Экспертиза использует собак-детекторов не для поиска неизвестного запаха, а для сравнительного идентификационного исследования: собаке предъявляется эталонный запах проверяемого лица, а исследуемый объект с места преступления находится среди других проб в слепом эксперименте, где кинолог не знает расположения объектов [1, с. 72–73]. Именно этот процессуальный и методический каркас превращает результат из ОРМ в полноценное доказательство – заключение эксперта по ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Нормативное признание одорологической экспертизы нашло свое закрепление в ведомственных актах. Например, в приказе МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» исследование запаховых следов человека включено в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел, в раздел «Экспертиза тканей и выделений человека, животных» наряду с ДНК-исследованием и другими биологическими экспертизами [7]. Таким образом, утверждения о «непредусмотренности» метода законом несостоятельны.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что признание одорологических исследований в странах постсоветского пространства неравно-

мерно. Как отмечают С. М. Белозерцев, Э. Ф. Мамедов и Е. В. Кузнецов, в Республике Казахстан, несмотря на продолжительную историю использования ольфакторного метода, эти исследования до сих пор не включены в перечень видов исследований, выполняемых в экспертном подразделении органов внутренних дел, процессуально не закреплены и не рассматриваются судами как источник доказательств. При этом авторы подчеркивают, что в Российской Федерации отсутствуют факты признания доказательств, полученных с помощью одорологической экспертизы, недопустимыми, что свидетельствует о более высоком уровне интеграции метода в уголовно-процессуальную практику [8, с. 35–36].

Наиболее убедительным подтверждением практической ценности одорологической экспертизы служат многочисленные случаи ее успешного применения при расследовании преступлений, в том числе совершенных десятилетия назад, когда иные методы доказывания оказываются бессильны. Особенно показательны ситуации, когда ДНК-анализ не дает результата из-за деградации генетического материала, а запаховые следы сохраняются благодаря химической стабильности их носителей – керамидов. П. Б. Панфилов, Ю. С. Фиоронова и З. Ю. Панфилова экспериментально установили, что индивидуальный запах человека детерминирован полярными липидами класса сфинголипидов, а именно керамидами, которые сохраняются в клеточных структурах даже при частичной деградации ДНК и при термическом воздействии [9, с. 108–110]. Авторы приводят три примера из практики, где стандартный ДНК-анализ не дал профиля проверяемого лица, а ольфакторный метод с применением разработанной ими химической экстракции позволил провести идентификацию: по делу об изнасиловании и убийстве 11-летней девочки 1989 г. (29 лет спустя), по делу об убийстве шести человек 2005 г. (объекты имели следы плесени и гниения), а также по делу с частичным сожжением тела, где ДНК-анализ ногтевых пластин и подногтевого содержимого оказался бесперспективным [Там же, с. 110–112].

Особого внимания заслуживают примеры из судебной практики, демонстрирующие сохранность запаховых следов на протяжении 27 и 28 лет. Публикация газеты «Известия» от 17 ноября 2023 г. сообщает о раскрытии двойного убийства, совершенного 7 июля 1996 г. в г. Гусеве Калининградской области. Орудием преступления служил галстук, которым преступник душил жертв. Генетические образцы подозреваемого, уже отбывавшего пожизненное наказание за другие преступления, не дали совпадения «в связи с тем, что прошло много времени». Однако ольфакторная экспертиза галстука выявила за-

паховые следы мужчины, идентичные запаху подозреваемого. Как пояснили эксперты, на орудиях преступления паховые следы могут сохраняться очень долго, особенно если смешиваются со следами крови жертвы – в крови они, по сути, консервируются на десятки лет [10].

Еще более длительный срок – 28 лет – зафиксирован в деле Семёна Гуцана, осужденного Сыктывкарским городским судом за убийство 14-летней девочки в 1994 г. Как сообщал «Коммерсантъ» со ссылкой на государственного обвинителя, веревки, которыми была связана жертва, «держали» в себе паховые следы преступника все 28 лет. Эксперты из Кирова сравнили эталонный образец, полученный у экстрадированного из Польши обвиняемого, с паховыми следами на веревках и подтвердили идентификацию [11]. Суд присяжных единодушно признал Гуцана виновным.

В арсенале судебной практики имеются и менее экзотические, но не менее показательные примеры. По делу об убийстве рядового Е. в Наро-Фоминске в 2007 г. труп был обнаружен в 2013 г., а генотипоскопическая экспертиза не выявила на бушлате и лопате со следами крови образцов генома подозреваемого. Решающее значение в доказывании оказало заключение ольфакторной экспертизы, выявившей паховые следы, происходящие от подозреваемого [12, с. 27].

В Екатеринбурге в 2018 г. основополагающим доказательством обвинения Сергея Куликова в убийстве стало заключение эксперта о наличии его паховых следов на фрагменте газеты с места преступления. Приговор районного суда – 8 лет колонии строгого режима – был обжалован защитой, однако Свердловский областной суд оставил его без изменения [13].

В Обнинске в 2021 г. «редкая экспертиза паховых следов» рукоятки ножа, изъятая с места убийства пенсионерки, выявила запах квартиранта, который и был осужден к 11 годам строгого режима [14].

В Башкирии в 2020 г. ольфакторная экспертиза пальто убитой в 2006 г. позволила изобличить Владимира Пинягина, который вину не признавал, однако был приговорен к 7,5 годам лишения свободы [15].

В Иркутской области в 2016 г. экспертиза паховых следов на ноже – орудии убийства женщины и 7-летнего ребенка – позволила раскрыть преступление, полгода остававшееся нераскрытым [16].

Важно подчеркнуть, что суды высших инстанций последовательно признают допустимость одорологических доказательств. С. М. Белозерцев, Э. Ф. Мамедов и Е. В. Кузнецов, обобщая российскую практику, также констатируют, что «в юридической практике Российской Федерации отсутствуют факты признания доказа-

тельств, полученных данными методами, недопустимыми» [8, с. 36].

В апелляционном определении Верховного Суда РФ от 3 мая 2018 г. № 8-АПУ18-3 по делу Ереминых суд сослался на заключение одорологической экспертизы, согласно которому на изъятых с места преступления ноже «возможно, имеются» паховые следы одной из осужденных [7]. Вероятностный характер вывода не помешал суду признать его допустимым доказательством в совокупности с другими материалами дела.

В определении Верховного Суда РФ от 5 апреля 2022 г. № 9-УД22-1-А4 (дело Синицына) отклонены доводы защиты о том, что «при проведении экспертного исследования не исключается ошибка собак, используемых в процессе исследования, либо нанесение на исследуемые объекты биологического материала... лицами, заинтересованными в раскрытии преступления» [7]. Как обобщает В. С. Кряжев, результаты ольфакторной экспертизы ни разу не признавались недопустимыми доказательствами судебными кассационными инстанциями, в том числе Верховным Судом РФ [Там же].

Однако нельзя игнорировать случаи, когда одорологическая экспертиза не была принята судом. В практике известен прецедент, когда суд усомнился в достоверности такого заключения и оправдательный приговор устоял в апелляции. Речь идет о деле, рассмотренном Прохоровским районным судом Белгородской области (оправдательный приговор от 1 апреля 2020 г., оставлен без изменения апелляционным определением Белгородского областного суда от 8 июля 2020 г.). Единственным прямым доказательством обвинения была одорологическая экспертиза, выявившая на двух веревках паховые следы подсудимого Р. К. Суд признал это доказательство недостоверным по нескольким основаниям. Во-первых, паховые следы были собраны не ранее чем через 15 дней и не позднее месяца после предполагаемого контакта, тогда как специалист-кинолог показал, что паховый след в естественных условиях при кратком контакте сохраняется до нескольких часов, при длительном – до суток, при наличии биологического вещества – до нескольких суток. Во-вторых, возникли противоречия с ДНК-экспертизой: на тех же веревках генетическое исследование выявило следы пота, соответствующие женскому полу, а не мужскому (подсудимый – мужчина). В-третьих, в заключении отсутствовали сведения о собаках-детекторах (возраст, физическое и эмоциональное состояние). Суд апелляционной инстанции указал, что сторона обвинения не устранила сомнения в достоверности единственного прямого доказательства [17].

Этот случай важен для понимания реальной уязвимости одорологического метода. Он пока-

зывает, что проблема заключается не в принципиальной непригодности метода, а в нарушении условий его применения: несвоевременное изъятие объектов, отсутствие контроля за сохранностью запаха, недостаточная документированность состояния биодетекторов. Как отмечает О. В. Левашова, на практике записи в протоколах не соответствуют действительности, следователи по незнанию или из-за отсутствия времени не соблюдают методику сбора и сохранения, что делает проверку запаха «бессмысленной, а иногда и вредной» [18, с. 642]. Именно ненадлежащее применение, а не несостоятельность метода как такового порождает скептицизм судов.

Перспективы развития криминалистической одорологии связываются прежде всего с внедрением инструментальных методов, которые могли бы снизить зависимость от биодетекторов и повысить воспроизводимость результатов. Как отмечает О. В. Левашова, ни один из созданных приборов не может сравниться с возможностями собаки-биодетектора по идентификации человека по его запаховому следу [Там же, с. 640–641]. Причина – сложность химического состава индивидуального запаха человека и недостаточная изученность механизмов обоняния. Тем не менее уже существуют разработки «электронного носа» для детекции взрывчатых веществ и наркотиков, а также методы газовой хромато-масс-спектрометрии для выделения и идентификации летучих органических соединений, составляющих запах [4; 5, с. 65].

Наиболее достоверные результаты достигаются при комбинации кинологических и инструментальных методов, что позволяет подтвердить совпадение запаховых профилей с высокой степенью вероятности. В перспективе возможно создание национальной одорологической базы данных, где цифровые запаховые отпечатки станут идентификаторами наряду с ДНК и дактилоскопическими данными, а также применение алгоритмов машинного обучения для обработки массивов данных [4].

Однако следует признать, что полная замена биодетекторов приборами в идентификационных целях в обозримом будущем маловероятна. В. И. Шиканов и Н. Н. Тарнаев в 1970-х гг. полагали, что одорология станет полноценным разделом криминалистики только после разработки инструментальных методов, но позднее В. И. Шиканов изменил свое мнение под влиянием успешной практики кинологического метода [5, с. 65]. Современная ситуация такова, что в подавляющем большинстве одорологических лабораторий используют служебных собак, а инструментальные методы (ТСХ, хромато-масс-спектрометрия) применяются на этапе пробоподготовки и диагностики (установление наличия запаха человека как биологического вида),

но не для индивидуальной идентификации [9, с. 110]. Иными словами, «электронный нос» для идентификации личности – это дело отдаленного будущего, а пока необходимо совершенствовать кинологический метод и жестко регламентировать процедуры.

Тактические аспекты работы с запаховыми следами, их обнаружение, фиксация и изъятие требуют особого внимания, поскольку именно на этом этапе чаще всего допускаются ошибки, ведущие к утрате доказательственного значения. С. Л. Миролубов и А. Ш. Габдрахманов детально описывают правила собирания запаховых следов: использование стерильных инструментов (резиновые перчатки, пинцеты, фланелевые салфетки), изъятие предмета-запахоносителя целиком с последующей герметичной упаковкой в стеклянные емкости или алюминиевую фольгу (3–4 слоя), при невозможности изъятия предмета – метод адсорбции с экспозицией не менее 1 часа [12, с. 17–18]. Важнейшее требование – раздельная упаковка каждого объекта, иначе происходит взаимный переход пахучих веществ, что делает невозможным проведение экспертизы. Как отмечает В. И. Старовойтов, если исследуемые следоносители и сравнительные материалы не упакованы порознь, а находятся в общей упаковке, делается вывод о невозможности проведения экспертного ольфакторного исследования вследствие непредупрежденной возможности взаимного перехода пахнущих веществ с одних объектов на другие [1, с. 73].

Сроки хранения запаховых следов – дискуссионный вопрос. По данным из словарной статьи, хранение в холодильных камерах при температуре от +2 до +6 °С возможно не более 6 месяцев [4]. Однако практика многолетней сохранности запаха (27 и 28 лет) свидетельствует, что при определенных условиях (смешение с кровью, хранение в герметичной упаковке, низкие температуры) этот срок может быть значительно увеличен. Как показано в примере с веревками (дело Гуцана), правильная консервация вещественных доказательств позволяет сохранить запаховую информацию на десятилетия [11]. В то же время показания специалиста-кинолога в Белгородском деле о сроках сохранения запаха «до нескольких суток» не следует абсолютизировать: эти оценки относятся к незакрепленному запаху в полевых условиях, а не к законсервированным объектам [17].

Конструктивный анализ имеющихся данных позволяет сформулировать ряд выводов и предложений, имеющих практическую ценность для совершенствования использования ольфакторных выборов в доказывании.

Во-первых, необходимо законодательно закрепить на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснение о допустимости и

доказательственном значении судебной ольфакторной экспертизы с указанием критериев ее оценки. Хотя отдельные определения Верховного Суда РФ уже сформировали положительную практику, отсутствие обобщающего разъяснения порождает правовую неопределенность на местах.

Во-вторых, следует разработать и утвердить единый федеральный стандарт производства ольфакторных экспертиз, который включал бы обязательные требования: а) к квалификации эксперта-одоролога (включая кинологическую подготовку); б) условиям содержания и тренировки собак-детекторов; в) порядку документирования состояния биодетекторов перед каждым исследованием; г) процедуре слепого эксперимента с обязательным участием не менее трех собак; д) срокам и условиям хранения запаховых проб; е) порядку разрешения противоречий между одорологической и ДНК-экспертизами.

В-третьих, необходимо создать единый реестр (банк) сертифицированных собак-детекторов, используемых в судебных экспертизах, с фиксацией их индивидуальных характеристик, результатов тренировок и участия в конкретных экспертизах. Это позволит сторонам процесса проверять надежность биодетектора и ставить под сомнение его применение при наличии объективных недостатков.

В-четвертых, целесообразно обязательное применение инструментальных методов контроля (хроматография, спектрометрия) на этапе пробоподготовки для подтверждения наличия в пробе церамидов – маркеров запаха человека. Хотя эти методы не заменят идентификации биодетектором, они могут служить дополнительным фильтром, отсеивающим заведомо непригодные объекты.

В-пятых, в рамках следственного осмотра следует законодательно закрепить обязательное участие специалиста-одоролога (или следователя-криминалиста, прошедшего соответствующую подготовку) при изъятии объектов, предположительно содержащих запаховые следы, с правом дачи обязательных для следователя указаний по упаковке и хранению. Это позволит минимизировать тактические ошибки, которые в ряде случаев приводили к утрате доказательственного значения, как в белгородском деле.

В-шестых, для раскрытия преступлений прошлых лет необходимо создать централизованную базу хранения запаховых проб с мест нераскрытых преступлений с соблюдением температурного режима и сроков, аналогичную банку ДНК. Учитывая доказанную возможность сохранения запаха на десятилетия, такой банк мог бы стать мощным инструментом для пересмотра «висяков» при появлении новых подозреваемых.

Прогнозируя развитие криминалистической одорологии на ближайшие 10–15 лет, можно

предположить следующие тенденции. Кинологический метод останется основным для идентификации личности по запаху, поскольку создание «электронного носа» с разрешающей способностью, сопоставимой с обонянием собаки, требует решения фундаментальных научных проблем (дешифровка индивидуального запахового кода, создание сенсоров, различающих тысячи компонентов в сверхмалых концентрациях). Однако инструментальные методы будут активно внедряться на этапе диагностики (установление факта принадлежности запаха к человеку, определение пола, возрастной группы, некоторых заболеваний) и пробоподготовки (химическая экстракция, очистка от «сенсорного шума»).

Перспективным направлением является создание мобильных устройств для экспресс-анализа запаховых следов непосредственно на месте происшествий, однако их идентификационные возможности будут ограничены – скорее, они позволят быстро отбраковывать заведомо непригодные объекты.

Ожидается также развитие цифровых одорологических баз данных, где запаховые профили будут представлены в виде хроматографических спектров, что позволит осуществлять автоматизированный поиск совпадений без участия биодетекторов на первом этапе.

В процессуальном плане следует ожидать постепенного сближения правового статуса одорологической и ДНК-экспертиз, возможно, с выделением ольфакторного исследования в самостоятельный класс экспертиз в новой редакции УПК РФ или в отдельном федеральном законе. Как отмечают С. М. Белозерцев, Э. Ф. Мамедов и Е. В. Кузнецов, анализ законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации и зарубежных государств показывает, что внедрение результатов одорологии в систему доказывания является общим трендом, игнорировать который было бы весьма недальновидно [8, с. 37].

В заключение следует признать, что криминалистическая одорология, несмотря на сохраняющийся скептицизм, является научно обоснованным и практически востребованным методом сбора и исследования доказательств. Ее доказательственное значение подтверждено многолетней положительной судебной практикой, включая определения Верховного Суда РФ, а надежность метода статистически обоснована и сопоставима с надежностью ДНК-анализа. Основные проблемы использования ольфакторных выборов в доказывании лежат не в плоскости научной несостоятельности метода, а в плоскости процессуальных и тактических нарушений при его применении: несвоевременное и некорректное изъятие объектов, нарушение правил хране-

ния, недостаточная документированность состояния биодетекторов, игнорирование противоречий с ДНК-экспертизой. Эти проблемы могут быть решены путем унификации методик, повышения квалификации следователей и экспертов, а также законодательного закрепления минимальных стандартов производства ольфакторных экспертиз. При соблюдении этих усло-

вий ольфакторная экспертиза может занимать достойное место в системе криминалистических методов наряду с дактилоскопической, генетической и трасологической экспертизами, а в ряде случаев (преступления давних лет, отсутствие пригодного ДНК-материала, смешанные следы, монозиготные близнецы) – стать единственным эффективным инструментом идентификации.

Список литературы

1. Старовойтов В. И. Судебная ольфакторная экспертиза следов пахнущих веществ из крови и пота человека // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 70–79. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17232240> (дата обращения: 04.05.2026).
2. Алмаганбетов П. А., Брушковский К. Б. Проблемы криминалистической одорологии // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2020. № 1 (59). С. 196–202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-kriminalisticheskoy-odorologii> (дата обращения: 04.05.2026).
3. Ардавов М. М., Сурцев А. В. Использование результатов одорологического исследования и ее доказательственное значение в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2023. № 10. С. 327–331. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-rezultatov-odorologicheskogo-issledovaniya-i-ee-dokazatelstvennoe-znachenie-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 04.05.2026).
4. Одорогическая экспертиза // sl.ceur : справочный портал. URL: <https://sl.ceur.ru/dictionary/item126659/> (дата обращения: 04.05.2026).
5. Хмелева А. В. Значение экспертизы запаховых следов человека в доказывании по уголовным делам (по результатам обобщения следственной практики) // Глаголь Правосудия. 2019. № 4 (22). С. 64–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-ekspertizy-zapahovyh-sledov-cheloveka-v-dokazyvanii-po-ugolovnym-delam-po-rezultatam-obobshcheniya-sledstvennoy-praktiki> (дата обращения: 04.05.2026).
6. Габдрахманов А. Ш., Миролубов С. Л. Современные методы исследования запаховых следов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 4. С. 496–501. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-metody-issledovaniya-zapahovyh-sledov> (дата обращения: 04.05.2026).
7. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 06.03.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.05.2026).
8. Белозерцев С. М., Мамедов Э. Ф., Кузнецов Е. В. Сравнительно-правовое исследование запаховых следов человека в Республике Казахстан // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 35–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoe-issledovanie-zapahovyh-sledov-cheloveka-v-respublike-kazahstan> (дата обращения: 04.05.2026).
9. Панфилов П. Б., Фиронова Ю. С., Панфилова З. Ю. Новые возможности ольфакторного экспертного метода в исследовании объектов биологического происхождения (инициативные научные разработки) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 105–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-vozmozhnosti-olfaktornogo-ekspertnogo-metoda-v-issledovanii-obektov-biologicheskogo-proishozhdeniya-initsiativnye-nauchnye> (дата обращения: 04.05.2026).
10. Штурма Я. По старым следам: запах выдал убийцу спустя 27 лет после преступления // Известия. 2023. 17 нояб. URL: <https://iz.ru/1606318/iana-shturma/po-starym-sledam-zapakh-vydal-ubiitsu-spustia-27-let-posle-prestupleniya> (дата обращения: 04.05.2026).
11. Шучалина Д. Преступника опознали по запаху. Приговор Семену Гуцану вынесли через 28 лет после убийства // Коммерсантъ. 2022. 4 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5594655> (дата обращения: 04.05.2026).
12. Миролубов С. Л., Габдрахманов А. Ш. Криминалистическая одорология в раскрытии и расследовании преступлений : учеб.-практ. пособие. Казань : КЮИ МВД России, 2021. 60 с. URL: <https://clcl.li/mvlgf> (дата обращения: 04.05.2026).
13. В Екатеринбурге убийцу нашли по запаху // РИА «Европейско-Азиатские Новости» (ЕАН). 2018. 5 июня. URL: <https://eanews.ru/ekaterinburg/20180605161100/v-ekaterinburge-ubiysu-nashli-po-zapahu> (дата обращения: 04.05.2026).
14. Сергеев Д. Убийцу пенсионерки в калужском Обнинске нашли по запаху // МК в Калуге. 2021. 17 сент. URL: <https://www.mkkaluga.ru/incident/2021/09/17/ubiysu-pensionerki-v-kaluzhskom-obninske-nashli-po-zapakhu.html> (дата обращения: 04.05.2026).
15. В Башкирии огласили приговор убийце, запах которого остался на пальто жертвы // Вести. 2020. 3 сент. URL: <https://www.vesti.ru/article/2453048> (дата обращения: 04.05.2026).
16. Следователи раскрыли убийство женщины и ребенка под Иркутском // РИА Новости. 2016 г. 29 дек. URL: <https://ria.ru/20161229/1484944806.html> (дата обращения: 04.05.2026).
17. Кузнецова Т. Защита отстояла в апелляции оправдательный приговор, доказав несостоятельность одорологической экспертизы // Адвокатская газета. 2020. 11 авг. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchita-otstoyala-v-apellyatsii-opravdatelnyy-prigovor-dokazav-nesostoyatelnost-odorologicheskoy-ekspertizy/> (дата обращения: 04.05.2026).
18. Левашова О. В. Применение метода криминалистической одорологии при раскрытии и расследовании преступлений: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 4. С. 637–644. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metoda-kriminalisticheskoy-odorologii-pri-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 04.05.2026).

Возмещение убытков третьим лицам при обеспечении иска: проблемы теории и правоприменения

© Таран М. С., 2026

М. С. Таран

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: taranmofficial@yandex.ru

Научный руководитель:

Т. Л. Курас, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Аннотация. Обсуждаются проблемы права возмещения убытков, причиненных обеспечением иска в гражданском процессе. Анализируются нормы гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, особое внимание уделено судебной практике. Делается вывод о необходимости внесения изменений в ст. 146 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: равенство сторон, третьи лица, обеспечение иска, возмещение убытков, ст. 146 ГПК РФ.

Возмещение убытков является одним из самых распространенных способов защиты гражданских прав. Его суть состоит в возложении на лицо, нарушившее право, обязанности компенсировать имущественные потери лица, право которого нарушено. Поскольку принятие мер по обеспечению иска связано с материально-правовыми ограничениями и возможными убытками, лица, права которых затронуты обеспечительными мерами, также должны иметь возможность защитить свои права.

Указанный выше тезис частично находит свое отражение в гл. 13 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), а именно в ст. 146. В ней закреплено, что «ответчик после вступления в законную силу решения суда, которым в иске отказано, вправе предъявить к истцу иск о возмещении убытков, причиненных ему мерами по обеспечению иска, принятыми по просьбе истца».

Из названной нормы усматривается, что правом на возмещение убытков, причиненных обеспечительными мерами, обладает только ответчик, а иные лица, участвующие в деле, например, третьи лица, таким правом не наделены.

Этот вывод подтверждается сложившейся судебной практикой, отсутствием со стороны судов вышестоящих инстанций разъяснений по поводу применения ст. 146 ГПК РФ в отношении защиты третьих лиц, к которым применены незаконные обеспечительные меры.

Вместе с тем ни Конституционный Суд РФ, ни Верховный Суд РФ ни разу не высказались по поводу дисбаланса прав лиц, участвующих в деле, по обозначенному вопросу. Так, в п. 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты»

содержится лишь констатация того факта, что право на возмещение убытков, вызванных применением мер по обеспечению иска, имеется лишь у ответчика [1].

В научных публикациях также отмечают недостатки действующей редакции ст. 146 ГПК РФ. Например, А. А. Селькова в кандидатской диссертации указывает: «Если обратиться к норме ст. 146 ГПК РФ, то можно отметить ее явно фрагментарный и недостаточный характер в части регламентации порядка реализации права на возмещение ущерба от примененных обеспечительных мер» [2, с. 88].

Полагаем, обозначенные обстоятельства вызывают проблемы на практике, поскольку меры по обеспечению иска могут быть применены не только в отношении ответчика, но и к другим лицам. В связи с этим описанную ситуацию надлежит проанализировать с разных сторон и предложить возможные пути решения сложившейся ситуации. Рассмотрим имеющиеся точки зрения.

1. Данная норма нарушает принцип равноправия.

Принцип равноправия участников гражданского процесса, напрямую закрепленный в ГПК РФ, является одним из фундаментальных принципов осуществления правосудия по гражданским делам. Необходимость его закрепления обусловлена Конституцией РФ, устанавливающей равенство всех перед законом и судом.

Принцип процессуального равноправия пересекает в гражданском процессе какое-либо преимущество одной стороны перед другой [3, с. 28].

Применяя специально-юридический способ толкования права, можно сделать вывод о том, что ст. 146 ГПК РФ предоставляет ответчику преимущество, а иных участников процесса умаляет в правах, что противоречит принципу

равноправия. Подобной позиции придерживается А. Киц и полагает возможным говорить о неконституционности данной нормы [4, с. 50].

Судебная практика в основном сводится к тому, что если лицо участвовало в качестве третьего лица в деле, в котором ему причинены убытки в связи с обеспечением иска, то оно не имеет права на возмещение убытков на основании ст. 146 ГПК РФ [5].

Вместе с тем существует и судебная практика, демонстрирующая обратное. Например, в определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 2 февраля 2022 г. по делу № 2-2385/2021 имеется следующая формулировка: «Вместе с тем данный вывод, как и неправильное указание судов на то, что в порядке ст. 146 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации только лица, являвшиеся ответчиками по ранее рассмотренному делу, вправе требовать возмещения убытков от лица, которое являлось истцом по ранее рассмотренному делу, не повлекло за собой принятие неправильного решения» [6].

Однако указанный прецедент не дает четкого ответа, смогли бы истцы, будучи привлеченными в качестве третьих лиц по ранее рассмотренному делу, взыскать убытки в порядке ст. 146 ГПК РФ. В рассматриваемом случае истцы не смогли доказать причинно-следственную связь между введением обеспечительных мер и причиненными убытками, что в любом случае влечет отказ в удовлетворении заявленных требований.

Таким образом, считаем возможным отметить, что по смыслу норм Конституции РФ и международного права все лица, участвующие в деле, в равной мере обладают правом на судебную защиту. Эти лица на основании ст. 35 ГПК РФ имеют равные права и обязанности. Это означает, что третьему лицу как равноправному участнику гражданского процесса должна быть гарантирована возможность защиты его прав при недобросовестном и незаконном применении к нему мер по обеспечению иска.

Обозначенные выше примеры судебной практики показывают, что не все участники гражданского процесса равноправны между собой, не все лица одинаково защищены законом. В частности, третьи лица игнорируются ст. 146 ГПК РФ, и, к сожалению, судебные коллизии могут продолжаться множиться.

2. Данная норма не нарушает принцип равноправия, так как возможно применение аналогии закона с Арбитражным процессуальным кодексом РФ.

В соответствии с ч. 4. ст. 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды

общей юрисдикции и мировые судьи (далее также – суд) применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права) [7].

Для выбора наиболее корректной нормы, регулирующей отношения по возмещению убытков, причиненных обеспечением иска, необходимо сопоставить нормативные правовые акты, регулирующие спорный вопрос. В настоящем случае таковыми являются Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ).

Меры по обеспечению иска (гл. 13 Гражданского процессуального кодекса РФ), обеспечительные меры (гл. 8 АПК РФ), меры предварительной защиты (гл. 7 КАС РФ) являются схожими правовыми институтами. Данные меры принимаются судом в одних и тех же целях предотвращения нарушения прав, свобод и законных интересов заявителя или неопределенного круга лиц, снижения негативного воздействия допущенных нарушений, создания условий для надлежащего исполнения судебного акта [1].

Поскольку КАС РФ не регулирует отношения, связанные с возмещением убытков, причиненных мерами предварительной защиты, в отношении ст. 146 ГПК РФ представляется релевантным решение соотнести ее со ст. 98 АПК РФ, регулирующей сходные отношения. В соответствии с ч. 1 указанной статьи «ответчик и другие лица, чьи права и (или) законные интересы нарушены обеспечением иска, после вступления в законную силу судебного акта арбитражного суда об отказе в удовлетворении иска вправе требовать от лица, по заявлению которого были приняты обеспечительные меры, возмещения убытков в порядке и в размере, которые предусмотрены гражданским законодательством, или выплаты компенсации» [8].

Указанная норма, в отличие от ГПК РФ, эксплицитно защищает права всех участников арбитражного процесса, включая третьих лиц.

Проводя анализ судебной практики, выявить случай в гражданском процессе, в котором сторона применяет по аналогии ст. 98 АПК РФ, обращаясь при этом с требованием, основанном на ст. 146 ГПК РФ, не удалось. Однако следует отметить закономерность, что в административном судопроизводстве суды активно применяют названные выше нормы АПК РФ, поскольку КАС РФ никак не урегулировал вопрос возмещения убытков, вызванных применением мер предварительной защиты по административному иску [9].

Также имеется позиция суда, который отказывает в применении аналогии закона, утверждая, что не только ответчик имеет право выйти с иском в порядке ст. 146 ГПК РФ. Речь идет об апелляционном определении Алтайского краевого суда от 8 июня 2021 г. по делу № 33-4079/2021. В нем указано: «...то есть в части возможности обращения лица, чьи права нарушены обеспечительными мерами, к лицу, по заявлению которого были приняты обеспечительные меры, с требованием о возмещении причиненных вследствие этого убытков названная норма содержит такие же условия, как и подлежащая применению при разрешении настоящего спора ст. 146 ГПК РФ» [10]. В данном деле истец по аналогии со ст. 98 АПК РФ просил взыскать убытки, причиненные ему обеспечительными мерами. Однако суд отказал в связи с тем, что любое лицо, а не только ответчик может обратиться в суд в порядке ст. 146 ГПК РФ.

Названные примеры свидетельствуют о том, что применение по отношению к ст. 146 ГПК РФ аналогии закона, содержащейся в норме ст. 98 АПК РФ, не является распространенной практикой в гражданском судопроизводстве. Нельзя сделать вывод о том, что вопрос возмещения убытков, причиненных обеспечением иска, является пробелом гражданского процессуального законодательства, так как в таком случае судами применялись бы положения ст. 98 АПК РФ, как это делается в административном судопроизводстве.

3. Данная норма не нарушает принцип равноправия сторон, так как возможно взыскание убытков по общим основаниям.

Исходя из общей теории права и подкрепляющей ее судебной практики, при разрешении коллизии между двумя нормами приоритетом обладает специальная норма в соответствии с общеправовым принципом *lex specialis derogat generali*. Он определяет критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения [11]. Возмещение убытков является общей нормой. Однако вопрос, связанный с возмещением убытков, причиненных обеспечительными мерами, регламентирован в специальных нормах, так что руководствоваться надлежит именно последними. Вместе с тем, поскольку отсутствует какой-либо нормативный правовой акт, включая ГПК РФ, напрямую запрещающий лицам, участвующим в деле и не являющимся ответчиками по данному делу, обращаться в суд с требованием о возмещении убытков, причиненных обеспечением иска, то имеется коллизия норм. Однако следует пом-

нить, что в силу принципа диспозитивности, действие которого распространяется на всех субъектов гражданского процесса [12, с. 75], лицо имеет право на выбор способа защиты нарушенного права, будь то специальные нормы или общие основания. То есть имеются основания полагать, что названные лица могут защитить свои права путем обоснования своих требований на общих основаниях возмещения убытков.

Данная точка зрения имеет место в судебной практике. Так, в одном деле по результатам конкурса на замещение вакантной должности нотариуса в нотариальном округе лицо было признано победителем конкурса. На основании решения конкурсной комиссии был издан приказ о наделении лица полномочиями нотариуса и назначении лица на должность нотариуса. Нотариальная палата не согласилась с вынесенным приказом и обратилась в суд с иском о признании такого приказа незаконным. Лицо, в отношении которого был вынесен приказ, было привлечено в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Определением суда были приняты меры по обеспечению иска. Затем они были отменены, и нотариальной палате было отказано в удовлетворении заявленных требований. Впоследствии лицо, в отношении которого был вынесен приказ, обратилось в суд с требованием о возмещении убытков, взыскании упущенной выгоды, его требования были частично удовлетворены [13]. В указанном деле истец обосновывал свои права на общих основаниях Гражданского кодекса РФ и ему удалось взыскать убытки.

Это позволяет заключить, что, несмотря на наличие специальной нормы в отношении права на возмещение убытков, причиненных обеспечением иска, лица, участвующие в деле, могут рассчитывать на защиту своих прав.

Таким образом, нельзя сделать однозначный вывод о том, что ст. 146 ГПК РФ нарушает принцип равноправия сторон, скорее здесь проявляется несовершенство юридической техники. Право на возмещение убытков, причиненных обеспечением иска в гражданском процессе, по смыслу ст. 146 ГПК РФ является защитным механизмом для ответчика, но и для остальных участников гражданского судопроизводства имеются способы восстановления нарушенных прав. Безусловно, с точки зрения юридической техники необходимо внесение изменений в ст. 146 ГПК РФ. Важно расширить круг лиц, которые вправе предъявлять требования о возмещении убытков. Наиболее подходящей моделью в этом случае выступит ст. 98 АПК РФ.

Список литературы

1. О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.
2. Селькова А. А. Институт обеспечительных мер в процессуальном законодательстве России и Англии: сравнительно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 240 с.
3. Гражданский процесс / под ред. М. Ю. Лебедева. 9-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2025. 396 с. // Образовательная платформа Юрайт : сайт. URL: <https://urait.ru/course-viewer/E0A5447A-AC22-4813-A24B-DB2F935324D9/1439456> (дата обращения: 15.11.2025).
4. Киц А. Кто возместит ущерб третьим лицам? // Юрист. 2008. № 4. С. 49–54.
5. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 февр. 2021 г. по делу № 88-2920/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 2 февр. 2022 г. по делу № 2-2385/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ [в ред. от 04.08.2026] // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ [в ред. от 15.12.2025] // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
9. Решение Зеленоградского районного суда Калининградской области от 27 мая 2021 г. по делу № 2-415/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
10. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 8 июня 2021 г. по делу № 33-4079/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 апр. 2021 г. № 305-ЭС21-54 по делу № А41-9815/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
12. Курас Т. Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 69–77.
13. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 6 нояб. 2014 г. по делу 33-14645/2014 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Субъекты малого и среднего предпринимательства как субъекты налоговых отношений

© Худяева Ю. С., 2026

Ю. С. Худяева

Магистрант 3-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: hudyayeva-us@mail.ru

Научный руководитель:

Б. Д. Дамдинов, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: damdinovbato@mail.ru

Аннотация. Анализируется правовое положение субъектов малого и среднего предпринимательства в рамках налоговых отношений. Рассматриваются критерии отнесения к категории субъектов малого и среднего предпринимательства, особенности их участия в налоговых правоотношениях, меры налогового стимулирования, а также проблемы правоприменения. Делается вывод о необходимости совершенствования налогового механизма с учетом специфики субъектного состава.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства, налоговые отношения, субъект налогового права, налоговые льготы, специальные налоговые режимы, налоговый контроль, стимулирование предпринимательства.

В условиях современной экономической трансформации малому и среднему предпринимательству отводится роль драйвера инновационного развития и стабилизатора рынка труда. Налоговые отношения, складывающиеся с участием таких субъектов, обладают выраженной спецификой, обусловленной как их экономической природой, так и особым правовым режимом. Вопрос о том, можно ли рассматривать субъектов малого и среднего предпринимательства в качестве самостоятельного вида субъектов налоговых отношений, остается дискуссионным. Цель настоящей работы – определить особенности правового статуса субъектов малого и среднего предпринимательства в налоговых отношениях, выявить пробелы правового регулирования и предложить пути их решения.

Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [1] закрепляет три группы критериев для отнесения хозяйствующего субъекта к категории малого и среднего предпринимательства: предельная доля участия публичных образований, иностранных организаций и крупных юридических лиц; предельная среднесписочная численность работников; предельный размер доходов, полученных от предпринимательской деятельности. Как справедливо отмечает Е. В. Покачалова, данные критерии носят формальный характер, однако именно они служат базой для предоставления налоговых преференций [2, с. 45].

С 2016 г. действует Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, ведение которого возложено на Федеральную налоговую службу России. Включение в реестр про-

исходит автоматически на основании сведений налоговой отчетности. Налоговые отношения в данном контексте возникают не только по поводу уплаты налогов, но и по поводу подтверждения статуса, что указывает на расширение предмета налогового регулирования. Таким образом, субъект малого и среднего предпринимательства – это особый субъект налогового права, статус которого требует процедуры подтверждения [3, с. 112].

Традиционно в теории налогового права выделяют следующих субъектов: налогоплательщиков, плательщиков сборов, налоговых агентов, представителей, фискальные органы [4, с. 78]. Субъекты малого и среднего предпринимательства не входят в отдельную категорию в Налоговом кодексе РФ (далее – НК РФ). Тем не менее целый ряд норм данного закона адресован именно этой группе лиц: гл. 26.2 («Упрощенная система налогообложения»), гл. 26.5 («Патентная система налогообложения»), ст. 346.43 («Общие положения»), ст. 346.45 («Порядок и условия начала и прекращения применения патентной системы налогообложения»).

Как подчеркивает С. Г. Пепеляев, субъектная дифференциация в налоговом праве возможна при условии, что особенности правового положения обусловлены объективными экономическими различиями [5, с. 203]. Малые предприятия обладают меньшей финансовой устойчивостью, ограниченными административными ресурсами, что требует упрощения налогового администрирования. В этом смысле субъекты малого и среднего предпринимательства выступают не просто налогоплательщиками, а носителями специального правового режима, что поз-

воляет говорить о них как о подтипе субъекта налоговых отношений.

НК РФ предусматривает для субъектов малого и среднего предпринимательства ряд преимуществ. Во-первых, возможность применения пониженных ставок по упрощенной системе налогообложения (ст. 346.20 НК РФ): законами субъектов РФ ставка может быть снижена с 6 до 1 % для объекта «доходы» и с 15 до 5 % для объекта «доходы минус расходы». Во-вторых, налоговые каникулы для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей на упрощенной системе налогообложения и патентная система налогообложения в производственной, социальной и научной сферах (ст. 346.20 НК РФ). В-третьих, освобождение от налога на имущество организаций в отношении движимого имущества (до 2019 г.) и ряд региональных льгот.

Особого внимания заслуживает автоматизированная упрощенная система налогообложения (АУСН), введенная Федеральным законом от 25 февраля 2022 г. № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Автоматизированная упрощенная система налогообложения”» [6]. Данный режим доступен только субъектам малого и среднего предпринимательства с численностью до 5 человек и доходом до 60 млн руб. в год. Автоматизированная упрощенная система налогообложения практически полностью исключает обязанность налогоплательщика по расчету налога – налоговый орган исчисляет его на основании данных касс и банков. Это радикальное упрощение налогового администрирования возможно именно в силу малого масштаба деятельности и снижения налоговых рисков.

Однако, как справедливо указывают исследователи, предоставление льгот нередко сопряжено с риском злоупотреблений: дробление бизнеса для получения статуса субъекта малого и среднего предпринимательства и применения спецрежимов [7, с. 67]. Налоговые органы активно оспаривают такие схемы, что порождает судебные споры и правовую неопределенность.

Анализ судебной практики и доктрины позволяет выделить следующие проблемы. Первая проблема – утрата права на упрощенную систему налогообложения, когда бизнес перестает соответствовать установленным законом требованиям. В этом случае налогоплательщик автоматически переходит на общую систему налогообложения. Согласно ст. 346.13 НК РФ превышение лимита доходов или численности влечет переход на общую систему налогообложения с начала квартала, в котором произошло превышение. Это не соответствует принципу предсказуемости налогообложения [8, с. 54].

Вторая проблема – отсутствие единого подхода к определению момента возникновения налоговой обязанности у субъектов малого и среднего предпринимательства, применяющих патентную систему налогообложения. Частичная оплата патента не всегда коррелирует с получением дохода, что создает риски кассовых разрывов.

Третья проблема – неравномерность налоговой нагрузки в зависимости от отраслевой принадлежности. Один и тот же субъект малого и среднего предпринимательства в сферах IT и розничной торговли оказывается в неравных условиях при сохранении формальных критериев малого и среднего предпринимательства.

Четвертая проблема – правовая неопределенность при привлечении к ответственности за грубые нарушения правил учета. В отношении субъектов малого и среднего предпринимательства отсутствуют специальные составы смягчающих обстоятельств, хотя Федеральный закон № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» предусматривает мораторий на проверки малых предприятий, что прямо не коррелирует с налоговым контролем [9].

В 2016–2024 гг. налоговыми органами активно применялся рискориентированный подход при проверках субъектов малого и среднего предпринимательства. Субъекты, включенные в Единый реестр малого и среднего предпринимательства, освобождались от плановых выездных проверок при условии отсутствия задолженности и налоговых правонарушений в предшествующий период [10, с. 89]. Однако камеральные проверки деклараций по НДС и упрощенной системе оставались для них обязательными.

Показательно, что налоговый мониторинг (ст. 105.26–105.30 НК РФ) недоступен для субъектов малого и среднего предпринимательства в силу требований к обороту (от 1 млрд руб.). Тем самым законодатель исходит из презумпции, что малый бизнес не нуждается в расширенном информационном взаимодействии с налоговыми органами. Данный подход представляется не вполне обоснованным: отдельные средние предприятия в сфере IT или инноваций могли бы использовать налоговый мониторинг для снижения рисков.

Вместе с тем в 2024 г. обозначилась тенденция к либерализации доступа к налоговому мониторингу. Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные

акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» пороговые значения для перехода на налоговый мониторинг снижены: достаточно уплачивать налоги на сумму более 80 млн руб., иметь доход и стоимость активов более 800 млн руб. [11]. Хотя указанные критерии по-прежнему превышают показатели большинства субъектов малого и среднего предпринимательства, само направление реформирования свидетельствует о постепенном расширении добровольного налогового контроля на организации с меньшими оборотами. В перспективе возможно дальнейшее снижение порогов для высокотехнологичных компаний, что позволит крупным представителям сектора малого и среднего предпринимательства использовать механизмы налогового мониторинга для минимизации рисков выездных проверок и повышения налоговой предсказуемости.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, субъекты

малого и среднего предпринимательства являются специфической группой субъектов налоговых отношений, чей правовой статус формируется на пересечении публично-правовых и частноправовых начал. Во-вторых, российское налоговое законодательство содержит развитую систему стимулов для малого и среднего предпринимательства, однако она страдает фрагментарностью и отсутствием единой концепции. В-третьих, перспективными направлениями реформирования представляются введение «периода адаптации» при потере статуса субъекта малого и среднего предпринимательства, распространение элементов налогового мониторинга на крупных субъектов малого и среднего предпринимательства и унификация критериев льготирования по отраслевому принципу. Реализация указанных мер позволит повысить эффективность налогового регулирования и устранить существующую правовую неопределенность.

Список литературы

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
2. Покачалова Е. В. Правовой статус субъектов малого и среднего предпринимательства в налоговых отношениях // Финансовое право. 2022. № 4. С. 43–48.
3. Крохина Ю. А. Налоговое право : учебник для магистров. М. : Юрайт, 2023. 452 с.
4. Винницкий Д. В. Субъекты налогового права: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 74–85.
5. Пепеляев С. Г. Налоговое право : учебник. М. : Статут, 2022. 620 с.
6. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» : федер. закон от 25 февр. 2022 г. № 17-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2022. № 9. Ст. 1285.
7. Шевелёва Н. А., Рождественская Т. Э. Налоговые льготы для малого бизнеса: пределы и злоупотребления // Сибирский юридический вестник. 2023. № 3. С. 62–70.
8. Соловьёв И. Н. Налоговый контроль малого предпринимательства // Налоги и налогообложение. 2022. № 1. С. 50–59.
9. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6249.
10. Гриценко В. В. Единый реестр субъектов МСП как инструмент налогового администрирования // Реформы и право. 2024. № 2. С. 85–92.
11. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2024. № 33. Ст. 5112.

Проблемы определения объективной стороны диверсии

© Чернова М. А., 2026

М. А. Чернова

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: chernova10042003@mail.ru

Научный руководитель:

С. А. Аверинская, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: aver27@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема определения объективной стороны диверсии в российском уголовном законодательстве. Обосновывается актуальность темы в связи с расширением диспозиции ст. 281 Уголовного кодекса РФ и повышением значения точной квалификации деяний диверсионной направленности. Анализируются содержание объективной стороны диверсии, правовая природа признака «иные действия», критерии разграничения диверсии и террористического акта, а также значение точной идентификации предмета воздействия и установления связи объективных признаков со специальной целью преступления. Особое внимание уделяется вопросу о моменте окончания диверсии и необходимости единообразного подхода к толкованию соответствующих признаков состава.

Ключевые слова: диверсия, объективная сторона преступления, ст. 281 УК РФ, иные действия, террористический акт, разграничение составов преступлений, обороноспособность Российской Федерации.

Проблема определения объективной стороны диверсии в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) [1] приобрела в последние годы выраженное прикладное значение наряду с сохраняющейся доктринальной значимостью. После внесения изменений Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [2] диспозиция ст. 281 УК РФ получила более широкое толкование. В круг охраняемых благ вошли действия, защищающие не только от разрушения или повреждения перечисленных в законе объектов, но и от причинения вреда здоровью людей и компонентам природной среды. Расширение диспозиции усилило охранительный потенциал уголовно-правовой нормы и одновременно поставило перед наукой и практикой задачу более точного толкования ее признаков. Современная юридическая литература обоснованно исходит из того, что повышение роли составов диверсионной направленности требует повышенной точности юридического анализа, строгого соблюдения принципа определенности уголовного закона и отказа от расширительного понимания признаков состава [3, с. 208].

Согласно ч. 1 ст. 281 УК РФ объективная сторона диверсии выражается в совершении взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если та-

кие действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации. Текст нормы свидетельствует о том, что законодатель использует сложную альтернативную конструкцию, в пределах которой объединены различные способы совершения деяния, различные предметы воздействия и различные разновидности вреда. Обязательным признаком субъективной стороны деяния выступает наличие специальной цели, указанной в диспозиции нормы. По указанной причине квалификация по ст. 281 УК РФ не может основываться лишь на констатации высокой общественной опасности деяния либо на ссылке на его внешнюю разрушительность. Суду надлежит последовательно установить цель совершения деяния, способ действия, предмет посягательства, характер возможного либо причиненного вреда и связь совершенного деяния с целями, названными в уголовном законе.

Наибольшую сложность вызывает толкование признака «иные действия». Открытый характер данной формулы объясним, поскольку диверсионное воздействие в современных условиях способно реализоваться в механической, химической, технологической, энергетической и иных формах. Вместе с тем подобная законодательная техника не допускает произвольного расширения пределов уголовной ответственности. При чрезмерно широком понимании названного признака ст. 281 УК РФ начнет поглощать смежные составы, включая умышленное уничтожение имущества, приведение в негодность объектов транспорта, отдельные экологические преступления и преступления против общественной безопасности. Подобный подход

привел бы к размыванию границ состава диверсии и к ослаблению требования определенности уголовного закона. В связи с указанным содержание объективной стороны диверсии следует определять через допустимые пределы интерпретации уголовно-правовой нормы, исходя из системного положения ст. 281 УК РФ и ее связи с охраной государственной безопасности.

Специфика объективной стороны диверсии особенно ясно проявляется при отграничении названного состава от террористического акта, предусмотренного ст. 205 УК РФ. В обеих нормах законодатель использует указание на альтернативные признаки объективной стороны деяния: «взрыв, поджог или иные действия», однако правовое значение совпадающих по форме признаков различно. Для террористического акта решающее значение имеют устрашение населения, создание опасности гибели человека, причинение значительного имущественного ущерба либо иных тяжких последствий, а также цель воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. Для диверсии требуется иная направленность поведения. Совершенное действие должно быть обращено на объекты и виды вреда, которые уголовный закон связывает с подрывом экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. В современной литературе справедливо подчеркивается самостоятельный характер преступлений диверсионной направленности как блока посягательств на государственную безопасность, вследствие чего их признаки не подлежат растворению в общей антитеррористической проблематике [4, с. 167].

Для уяснения содержания признака «иные действия» по ст. 281 УК РФ существенное значение имеет подход, сформулированный в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [5]. Верховный Суд указал, что в ст. 205 УК РФ под иными действиями следует понимать действия, сопоставимые по последствиям со взрывом или поджогом. Названное разъяснение адресовано составу террористического акта, однако его правовая логика применима и при толковании ст. 281 УК РФ. По делам о диверсии иные действия также требуют оценки с учетом разрушительного потенциала, масштаба воздействия, способа совершения и реальной пригодности причинить вред того вида, который прямо назван законодателем. Подобный подход позволяет удерживать правоприменение в границах юридической определенности и исключает бытовое, чрезмерно широкое понимание способов совершения диверсии. Тем самым обеспечивает-

ся согласованность судебной практики по смежным составам при сохранении самостоятельности каждого из них.

Важное значение для квалификации имеет точная идентификация предмета воздействия. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [6] в ст. 1 определяет объекты транспортной инфраструктуры как технологический комплекс, включающий, в частности, вокзалы, станции, тоннели, эстакады, мосты, порты и иные перечисленные законом элементы. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [7] в ст. 1 раскрывает компоненты природной среды через перечень земли, недр, почв, поверхностных и подземных вод, атмосферного воздуха, растительного и животного мира, иных организмов, озонового слоя атмосферы и околоземного космического пространства. Следовательно, суд по делу о диверсии обязан устанавливать соответствие предмета воздействия нормативным категориям, использованным в ст. 281 УК РФ и связанных федеральных законах. Подобная детализация предмета доказывания обоснованно поддерживается и специальной литературой, посвященной расследованию диверсий на объектах железнодорожной инфраструктуры [8, с. 60].

Особенность ст. 281 УК РФ состоит также в тесной связи объективной стороны со специальной целью преступления. Цель подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации относится к субъективной стороне состава, однако в процессе доказывания она устанавливается преимущественно через внешние обстоятельства совершенного деяния. Суд оценивает характер выбранного объекта, способ воздействия, уровень подготовки, используемые средства, последовательность действий, характер предварительных мероприятий и ожидаемые последствия. По указанной причине внешне сходные поджоги, повреждения имущества либо иные акты вмешательства не подлежат автоматической одинаковой квалификации. Для вывода о диверсии требуется установить, что совершенное действие по своей направленности выходило за пределы обычного умышленного причинения вреда и использовалось как средство посягательства на охраняемые законом основы экономической безопасности и обороноспособности государства. Без такого доказательного перехода от внешнего действия к его целевой направленности квалификация по ст. 281 УК РФ не будет отвечать требованиям закона.

Самостоятельного рассмотрения требует вопрос о моменте окончания диверсии. По своей конструкции ст. 281 УК РФ тяготеет к формальному составу, поскольку преступление признается оконченным с момента совершения дей-

ствий, названных в законе, при наличии требуемой направленности на достижение указанного в диспозиции результата. Вместе с тем формальный характер состава не устраняет обязанности суда исследовать содержательные признаки внешнего деяния. Не всякое действие, затронувшее предприятие, сооружение, транспортную инфраструктуру, средство связи, объект жизнеобеспечения либо природную среду, образует оконченную диверсию. Суду необходимо установить реальную пригодность совершенного действия причинить вред, охватываемый ст. 281 УК РФ, а также связь такого действия со специальной целью. Показательно, что и в работах, посвященных вопросам пенализации диверсионной деятельности, акцент делается на соразмерности уголовно-правовой реакции качеству правоприменительной оценки, а повышение строгости санкций не рассматривается как замена полноценного анализа признаков состава [9, с. 26].

Таким образом, основная проблема определения объективной стороны диверсии связана с потребностью выработать более строгий и единообразный стандарт применения ст. 281 УК РФ.

Действующее уголовное законодательство содержит необходимый набор признаков, позволяющий разграничивать диверсию, террористический акт и иные смежные преступления, однако качество правоприменения зависит от последовательности их установления в каждом конкретном деле. Суду надлежит проверить, относится ли предмет воздействия к числу объектов, прямо названных в ст. 281 УК РФ, сопоставимы ли совершенные иные действия по своему разрушительному потенциалу со взрывом или поджогом, а также подтверждает ли совокупность объективных обстоятельств направленность деяния на подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации. При соблюдении такого подхода ст. 281 УК РФ сохраняет необходимую строгость и получает более четкие границы в судебной практике. В результате повышается качество квалификации, снижается риск смешения диверсии с террористическим актом и иными смежными составами, а охранительная функция уголовного закона реализуется более последовательно и убедительно.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 28 апр. 2023 г. № 157-ФЗ // pravo.gov.ru : официальный интернет-портал правовой информации.
3. Решняк М. Г. Противодействие диверсионной деятельности: к вопросу о совершенствовании уголовно-правовых мер // Вестн. Том. гос. ун-та. 2024. № 506. С. 208–214.
4. Глазырин С. И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации на современном этапе // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 167–171.
5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1. URL: <https://base.garant.ru/70137188/> (дата обращения: 04.04.2026).
6. О транспортной безопасности : федер. закон от 9 февр. 2007 г. № 16-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837.
7. Об охране окружающей среды : федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
8. Милованова М. М. Особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе расследования диверсий на железнодорожных объектах, совершенных несовершеннолетними // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2 (76). С. 60–67.
9. Горшкова Н. А. Пенализация диверсионной деятельности: законодательный и правоприменительный подходы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 4. С. 26–35.

Осуществление прокурорского надзора за деятельностью органов исполнительной власти субъекта РФ

© Чмелев Д. С., 2026

Д. С. Чмелев

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: daniil12200223@mail.ru

Научный руководитель:

О. П. Бузько, старший преподаватель кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: olga-buzko@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются теоретико-правовые и практические аспекты осуществления прокурорского надзора за деятельностью органов исполнительной власти субъекта РФ. Обосновывается значение прокурорского надзора как федеральной гарантии обеспечения законности в системе регионального публичного управления. Анализируются объект и предмет надзорной деятельности применительно к нормотворчеству и правоприменению исполнительных органов субъекта, а также пределы прокурорского вмешательства, установленные действующим законодательством. Особое внимание уделяется формам и механизмам прокурорского реагирования, включая протест, представление, предостережение и обращение в суд в порядке административного судопроизводства. Рассматриваются типовые зоны риска нарушений законности в региональном управлении и современные тенденции развития надзорной практики с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: прокурорский надзор, органы исполнительной власти субъекта РФ, законность, публичное управление, нормотворчество, правоприменение, меры прокурорского реагирования, административное судопроизводство.

Региональные органы исполнительной власти субъекта РФ осуществляют повседневное публичное управление в пределах региона. Именно они принимают значительную часть управленческих решений: издают нормативные правовые и индивидуальные акты, организуют предоставление государственных услуг, распределяют бюджетные и имущественные ресурсы, осуществляют отдельные контрольные и разрешительные полномочия. Поэтому законность их действий влияет не только на общее состояние управления, но и непосредственно на реализацию прав и свобод граждан, а также на устойчивость правового режима в субъекте. Это и объясняет, почему прокурорский надзор в данной сфере следует рассматривать как самостоятельный объект научного анализа и как способ поддержания единства законности.

Конституционно-правовая отправная позиция состоит в следующем. Прокуратура РФ закреплена как единая федеральная централизованная система органов, которая, помимо прочего, осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, а также за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [1]. Полномочия прокуратуры, ее организация и порядок деятельности определяются Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 (далее – Закон о прокуратуре) [3]. Следовательно, надзор за региональной исполнительной властью выстраивается не как элемент внутреннего контроля субъекта, а как федеральная гарантия законности. Такая гарантия направлена

на то, чтобы правовые требования и стандарты соблюдались сопоставимо на всей территории страны.

Чтобы говорить о надзоре за деятельностью органов исполнительной власти субъекта по существу, необходимо определить, какие органы входят в эту подсистему публичной власти. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закрепляет общие принципы организации публичной власти в субъектах РФ и задает ориентиры для построения системы органов субъекта. В эту систему входят высший исполнительный орган субъекта и иные органы исполнительной власти, через которые осуществляется отраслевое управление. Отсюда следует, что объект прокурорского надзора – не региональная политика как таковая. Речь идет о правовой деятельности соответствующих органов и должностных лиц, которая проявляется в издании актов и в совершении юридически значимых действий либо в бездействии в пределах региональной компетенции.

Предмет надзора в рамках рассматриваемой темы целесообразно раскрывать через связь «нормотворчество – правоприменение – защита прав». В части нормотворчества прокурор оценивает, соответствуют ли законам нормативные правовые акты органов исполнительной власти субъекта, а также соблюдены ли компетенция и процедура их принятия. В части правоприменения внимание сосредоточено на законности решений и действий (бездействия) должностных

лиц при реализации государственных функций. Сюда относятся административные процедуры, предоставление услуг, применение мер публичного воздействия. В правозащитном аспекте проверяется соблюдение прав и свобод человека и гражданина в конкретных управленческих ситуациях, когда нарушение закона одновременно затрагивает гарантированные права. Нормативную основу такого подхода задает Закон о прокуратуре как специальный акт, который определяет предмет надзорной деятельности и инструменты прокурорского реагирования [3].

Методологически важным ограничением выступают пределы прокурорского надзора, прямо сформулированные законодателем. При осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. Проверка исполнения законов проводится при наличии поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушений, которые требуют принятия мер прокурором, и в тех случаях, когда эти сведения нельзя подтвердить либо опровергнуть без проведения проверки. Эта формулировка позволяет провести корректную границу между надзором и управлением. Прокурор не становится фактическим руководителем исполнительного органа, но обязан дать правовую реакцию на сообщение о нарушении, если без проверки невозможно установить, имело ли оно место.

Вместе с тем прокурорский надзор за деятельностью органов исполнительной власти субъекта РФ не сводится исключительно к случаям уже выявленного либо предполагаемого нарушения, требующего проверки исполнения законов. В частности, прокурорский надзор осуществляется за соответствием закону правовых актов органов исполнительной власти субъекта РФ, который ведется независимо от поступления информации о нарушениях законности; при вынесении предостережения о недопустимости нарушения закона при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях; при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Следовательно, выявление нарушения является важным, но не единственным основанием прокурорской деятельности в рассматриваемой сфере.

Из указанных пределов вытекает разграничение законности и целесообразности. Для регионального управления естественно усмотрение при выборе способов реализации полномочий. Однако прокурорская оценка не должна превращаться в пересмотр управленческих предпочтений. Она сводится к проверке того, соблюдены ли юридические пределы усмотрения: компетенция органа, порядок принятия решения, действующие запреты и ограничения, требования равенства и недискриминации, обя-

зательные условия предоставления услуг и мер поддержки. При таком подходе надзор поддерживает правовую допустимость управленческих решений и не затрагивает самостоятельность исполнительной власти субъекта в выборе целей и средств, пока они остаются в границах закона.

Наиболее типичные зоны риска нарушений в деятельности региональной исполнительной власти связаны с массовыми управленческими процессами, где единичная юридическая ошибка быстро закрепляется как устойчивая практика. К ним относятся регулирование и применение мер социальной поддержки, административные регламенты и процедуры предоставления государственных услуг, принятие подзаконных актов с выходом за пределы полномочий либо с нарушением обязательных процедур. В эту группу также входят решения в сферах, где высока вероятность конфликта интересов и сопутствующих споров: имущественные отношения, жилищно-коммунальная сфера, экология. Важно подчеркнуть, что надзор в указанных областях выполняет стабилизирующую функцию, препятствует закреплению незаконной практики в качестве обычного образца управленческого поведения.

Практика прокурорского надзора в отношении органов исполнительной власти субъекта РФ обычно разворачивается как последовательная правовая процедура. Она включает поступление сведений о возможном нарушении закона, установление фактических обстоятельств, их правовую оценку, выбор меры прокурорского реагирования и проверку исполнения внесенных требований. При необходимости прокурор обращается в суд, чтобы восстановить законность. В этой работе решающим является не усиление контроля как такового, а соблюдение правовой логики [4, с. 93]. Каждое действие прокурора должно опираться на конкретную норму, соотноситься с установленным нарушением и вести к понятному правовому результату. Если такой связи нет, надзор утрачивает легитимность и начинает восприниматься как административное давление, что законом не допускается.

Проверка исполнения законов – центральная стадия надзора, но прокурор не назначает ее произвольно. Закон связывает проверку с поступившей информацией о фактах нарушений, которые требуют мер прокурорского реагирования, и с тем, что эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проверочных действий. Такое условие дисциплинирует надзор в отношении исполнительной власти субъекта. Проверка должна быть ориентирована на получение доказательств и ограничиваться необходимым объемом. Материалы, которые собираются в ходе проверки, должны относиться к ее предмету. Иначе появляется риск выхода за пре-

дела полномочий, а сама проверка начинает фактически подменять ведомственный контроль или управленческое руководство.

Наиболее значимый и устойчивый блок надзора в региональной исполнительной сфере связан с реагированием на незаконное нормотворчество. Незаконный нормативный акт способен одномоментно породить массовые нарушения и закрепить их как обычную административную практику. В юридическом смысле первичной формой реагирования здесь является прокурорский протест на правовой акт, противоречащий закону. Его цель – прекратить действие незаконного регулирования путем отмены или изменения акта тем органом либо должностным лицом, которые его издали. Для научного анализа важно отметить, что протест не означает спора о целесообразности политики субъекта. Это инструмент устранения противоречия закону. Он оправдан прежде всего тогда, когда коллизия очевидна и может быть устранена в административном порядке.

Когда нарушение связано не столько с текстом нормативного акта, сколько с управленческой практикой и индивидуальными решениями, типичной формой реагирования становится представление об устранении нарушений закона, а также причин и условий, которые им способствовали. Ценность представления при осуществлении надзора за исполнительными органами субъекта состоит в том, что оно направлено на источник повторяющихся нарушений. Речь идет об организационных сбоях в процедурах и регламентах, дефектах внутреннего порядка, кадрового контроля, а также о недостатках в работе информационных систем. Именно такие причины воспроизводят нарушение независимо от конкретного исполнителя. Закон требует рассмотреть представление и принять меры в установленный срок. Поэтому по итогам исполнения представления можно объективно оценить результативность вмешательства – устранено ли нарушение и снижена ли вероятность его повторения [5, с. 99].

Для практики надзора за региональной исполнительной властью важно, что закон предоставляет прокурору не только меры реагирования по уже выявленным нарушениям, но и профилактические средства. Предостережение о недопустимости нарушения закона применяется при наличии сведений о готовящихся противоправных действиях. В управленческом контексте оно особенно эффективно на стадии подготовки решений. Это может быть период до издания спорного акта, до начала административной кампании, до принятия массовых решений о выплатах или об ограничениях. Правовая корректность предостережения в том, что оно предупреждает возможное нарушение, не подменяя

орган власти в принятии решения. Прокурор не указывает, какое решение следует выбрать. Он фиксирует правовые границы допустимого и тем самым снижает риск последующего массового ущерба.

Отдельную группу механизмов составляют меры, направленные на обеспечение ответственности и дисциплины исполнения закона в деятельности исполнительных органов субъекта. Закон о прокуратуре предусматривает возможность вынесения мотивированного постановления о возбуждении производства об административном правонарушении, если выявлен состав административного деликта [6, с. 103]. Целесообразно рассматривать эту меру не как карательный компонент надзора, а как правовой способ восстановить уважение к закону в ситуациях виновного поведения должностных лиц. Здесь требуется персонализированная правовая оценка. При этом эффективность определяется не самим фактом возбуждения производства, а тем, устраняется ли нарушение и меняется ли практика органа так, чтобы подобные случаи не повторялись.

Судебная стадия становится естественным продолжением надзорного механизма, когда незаконный акт или сложившаяся практика не устраняются добровольно. Она необходима и тогда, когда для восстановления прав неопределенного круга лиц требуется окончательное судебное подтверждение незаконности и обеспечение единообразия правового пространства. Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) закрепляет процессуальное положение прокурора и допускает обращение в суд с административным иском в защиту прав, свобод и законных интересов граждан и неопределенного круга лиц [7]. На региональном уровне это особенно характерно для дел об оспаривании нормативных правовых актов органов исполнительной власти субъекта либо отдельных положений таких актов. Именно судебное решение придает выводу о незаконности общеобязательный характер и снимает правовую неопределенность.

В качестве показательного примера судебного контроля за результатами прокурорского надзора можно привести решение Алтайского краевого суда от 14 июля 2025 г. по делу № За-211/2025 по административному иску первого заместителя прокурора Алтайского края к министерству природных ресурсов и экологии Алтайского края [8]. Суд установил, что лесохозяйственный регламент, утвержденный региональным министерством, в оспариваемой части не содержал обязательных сведений о расположении лесов на особо охраняемой природной территории, что создавало правовую неопределенность и допускало неоднозначное толкование

нормативного акта. Существенно, что до обращения в суд прокурором уже было внесено представление, однако меры к устранению нарушения приняты не были. В итоге суд удовлетворил административный иск и признал соответствующие положения регламента недействующими со дня вступления решения в законную силу. Данный судебный акт хорошо иллюстрирует, что прокурорский надзор в отношении органов исполнительной власти субъекта РФ направлен не только на фиксацию нарушения, но и на устранение дефектов регионального нормотворчества, способных повлечь массовое нарушение прав неопределенного круга лиц.

Не менее важен и другой пример – кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 23 сентября 2025 г. по делу № 2а-873/2024 по иску Магаданского межрайонного природоохранного прокурора к министерству природных ресурсов и экологии Магаданской области [9]. В этом деле прокурор просил признать незаконным бездействие министерства, выразившееся в непринятии нормативного правового акта, и обязать орган исполнительной власти субъекта разработать такой акт. Верховный Суд РФ, однако, указал на пределы как прокурорского вмешательства, так и судебного контроля. Так, вопросы принятия и изменения нормативных правовых актов относятся к компетенции соответствующего органа власти, а понуждение к нормотворчеству допустимо лишь в специально предусмотренных законом случаях, в частности

при применении ч. 4 ст. 216 КАС РФ. Поэтому ранее вынесенные судебные акты в части возложения на министерство обязанности разработать нормативный правовой акт были отменены, а производство по делу в этой части прекращено. Значение данного акта для темы исследования состоит в том, что он наглядно показывает: прокурорский надзор не должен трансформироваться в подмену управленческой и нормотворческой деятельности органа исполнительной власти субъекта РФ.

Таким образом, современная практика показывает рост требований к определенности оснований прокурорского вмешательства и к соразмерности применяемых средств. Это особенно заметно в конституционно-правовых оценках полномочий прокурора и связанных с ними мер принуждения. В таком контексте постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 15-П следует воспринимать как ориентир [10]. Надзор должен оставаться правовым инструментом и не превращаться в произвольный управленческий контроль, поэтому он требует строгой привязки к закону и установленным фактам. Так, результативность надзора повышается не за счет расширения вмешательства, а за счет раннего предупреждения незаконности. Этого можно добиться через регулярный правовой мониторинг регионального нормотворчества исполнительных органов и приоритет профилактических и организационно направленных мер реагирования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973.
3. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
4. Скачкова А. Е. Теоретико-правовые основы деятельности прокурора по надзору за исполнением законов и законностью правовых актов // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1. С. 85–96.
5. Кравец И. П., Бутченко В. Н., Крепак С. В. Правовое регулирование прокуратуры и ее роль в осуществлении надзора за законностью // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 8. С. 97–108.
6. Воронин О. В. О содержании правозащитной деятельности прокуратуры // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 102–104.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
8. Решение Алтайского краевого суда от 15 июля 2025 г. по делу № 12-116/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6ZsoEtlgshQC/> (дата обращения: 06.04.2026).
9. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2025 г. по делу № 2а-873/2024. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/OXV10VLVSUZi/> (дата обращения: 06.04.2026).
10. По делу о проверке конституционности абзаца девятого пункта 2 статьи 1, абзацев первого и второго пункта 1 и предложения первого пункта 2 статьи 21, пункта 2 статьи 22 и пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», абзаца второй части 6 статьи 28.3 и предложения второй части 1 статьи 28.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пункта 1 части 3 статьи 16.5 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» в связи с жалобой гражданина П. Н. Лакина : постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 15-П. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406601033/> (дата обращения: 19.12.2025).